

«РУССКИЕ ЗДЕСЬ»

“RUSSIANS ARE HERE”

ФИЛЬМ, ПОМОГАЮЩИЙ АНДРОПОВУ

THE FILM THAT IS HELPING ANDROPOV

«РУССКИЕ ЗДЕСЬ»

“RUSSIANS ARE HERE”

ФИЛЬМ, ПОМОГАЮЩИЙ АНДРОПОВУ
THE FILM THAT IS HELPING ANDROPOV

Издательство
“Третья волна”

Париж — Нью-Йорк
1983

На первой странице обложки фрагмент картины Олега Целкова. Идиотами, подобными персонажу этой картины, авторы фильма "Русские здесь" пытались изобразить всю третью волну эмиграции из СССР.

Редакторы — Борис Бокштейн и Александр Глезер

Корректоры — Ася Глазова и Алина Монахова

Оформление — Дина Гроссман

Все права на распространение этой книги принадлежат Russica Book & Art Shop,
799 Broadway, NY 10003

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы сочли необходимым издать эту книгу не только на русском, но и на английском языке для того, чтобы американские читатели знали, что эмигранты из СССР представляют собой нечто совсем иное, чем опустившиеся неудачники и циники, которые были отобраны для кинофильма "Русские здесь".

Объем книги не позволил вместить в нее все статьи об этом клеветническом фильме, опубликованные в русскоязычной прессе. По той же причине мы не могли перевести все статьи на английский язык, тем более, что многие мысли в них повторяются.

Мы призываем всех эмигрантов поддержать Антидиффамационную лигу, созданную по инициативе Владимира Буковского. Всю информацию об этой Лиге вы найдете на последней странице обложки.

От издательства

ВРЕДНЫЙ ФИЛЬМ

Фильму дали эффектное название: "Русские здесь!" Как какую-то сенсацию преподнесли американской публике то, что показывалось 13 июня по телевидению.

Но русские в Америке отнюдь не сенсация. Они на этом континенте не новички. Это они почти двести лет назад осваивали Аляску и Калифорнию. Они гением Сикорского строили самолеты в Коннектикуте, гением Леонтьева решали проблемы экономики, гением Зворыкина совершенствовали телевидение, гением Набокова вошли в американскую литературу.

Но создатели фильма таких русских в виду не имели. Как они сами объяснили в начале фильма, их интересовали только те, кто приехал из Советского Союза после 1971 года.

В громадном большинстве те, кто приехал в Америку после 1971 года — евреи. Но о еврейских проблемах выступившие в передаче не говорили, как не упомянули и антисемитизм в СССР. Да и вообще большинство участников фильма большого понимания жизни и окружающей их действительности не обнаружили.

Думаю, что американская публика поняла: те, кто прошел перед ней в фильме, сказанное персонажами фильма — вовсе не "голос эмиграции". Хотя, конечно, ответственность за безвкусицу, показанную нам на телеэкране, должны в первую очередь нести не персонажи, а авторы и постановщики этого оскорбительного для эмигрантов фильма.

Хотя внешне все вроде бы в порядке. Диапазон представленных в фильме эмигрантов достаточно широк. Здесь и случайные прохожие, и поэт, и бывший редактор еженедельной русскоязычной газеты в Нью-Йорке, и таксист, и экскурсовод, и психиатр, и философ, и человек, отрекомендовавшийся бывшим боссом, и писатели, и официант, и биржевой маклер.

Под переливы сентиментального вальса камера переносит нас на ставший уже трафаретным в рассказах о недавних эмигрантах из СССР Брайтон Бич, где поселились, в основном, выходцы из Одессы. И хотя "вся Одесса очень велика", но все-таки это не вся та громадная страна, откуда за минувшее десятилетие эмигрировало в США свыше ста тысяч человек.

Авторы фильма хотят внушить зрителям, будто в основном жизнь недавней российской эмиграции проходит в "маленькой

Одессе", где звучат песенки времен Мишки Япончика и Бени Крика, а люди пляшут и пьют водку чайными стаканами на фоне обязательных самоваров. Будто это вот и есть тот желанный идеал жизни, ради которого мы боролись с ОВИРа́ми, шли на риск, бросали все и ехали за океан. Вот он, наконец-то достигнутый получившими свободу "русскими" жизненный идеал: наконец-то из темноты подъездов, где распивали "на троих", они вышли в светлый и свободный мир ресторанов.

При этом становится очевидным, что большинству обретших свободу участников фильма эта свобода в тягость. Они ехали за сытной, обеспеченной жизнью, а свободу они получили в нагрузку. И теперь эта свобода в нагрузку доставляет им немало хлопот. Она им просто мешает. "Слишком много свободы!" — восклицает шофер такси. Но когда его спрашивают, считает ли он, что этой свободы много и для него, он удивляется. Нет, себя он в виду не имел. Ограничивайте кого угодно и как угодно, только мне дайте возможность делать то, что я хочу. Так вот, оказывается, как понимают свободу "эти русские", — приходит к заключению зритель фильма. — Неудивительно, что у них вот уже шесть с лишним десятилетий существует полицейский режим. Ведь там никто не думает о свободе для всех, а лишь о том, чтобы добиться крошечной свободы для себя.

Никто из участников фильма не сказал о том, что воздух свободы здоровее тюремного, что должен он всю жизнь благодарить американскую землю уже за одно то, что приняла она его, беглеца из той огромной тюрьмы народов, имя которой СССР.

Что сказали бы им те, кто вмерз в землю Колымы или смешался с песками Казахстана, если бы они послушали их речи? Что сказали бы те сотни тысяч соотечественников, которым сегодня отрезана дорога к эмиграции, к свободе? Где ваша совесть, отъехавшие на американских харчах господа? Вы забыли, что уехали из страны красного фашизма, где каким бы обеспеченным вам ни казалось настоящее, у вас не было и не могло быть будущего? Нет, вы не забыли. Вы этого даже и не знали, а за время пребывания на Западе даже не попытались понять этого. В фашистской Германии были и Рихард Штраус, и Гейзенберг, и Кароян, и Шварцкопф, но в этой стране был и Гитлер, и тень его заслоняет все остальное. Немцы это поняли. Когда поймем мы, что через все, что делается в Советском Союзе, просвечивает кровавый оскал фашизма?

Не понять все это — простительно обывателю. Но писателя, не понимающего этого и жалующегося, что у него нет доступа к говорящей на английском языке публике, к этой публике его на пушечный выстрел допускать не следует. Писатель, распространяющий

ся о демократии для "львов и москитов" себя видит, конечно же, львом. Ему и в голову не приходит, что для других он такой же крошечный москит, каким он видит остальных. Для москитов он предлагает ограничить демократию. Но, может быть, это ограничение следует начать с ликвидации "хлебных" купонов и социального обеспечения, на которые неизвестно за какие заслуги перед Америкой существует философствующий "лев".

...Я пишу это вечером после целого и совсем не легкого дня работы, которая не относится ни к литературе, ни к журналистике. Купонов у меня нет, как нет и велфэйра. Чтобы иметь возможность заниматься своим журналистским трудом, я должен сам зарабатывать себе на хлеб.

Меня обеспечивает мой труд, и сознание этого делает человека добрым и щедрым. Мне не жалко кормить львов, хотя, если сказать по чести, лучше бы, если бы их держали в цирке. Иначе такой растерявшийся в условиях демократии лев может договориться до того, что сообщит вам о своей тоске по... КГБ (это не придумано, это дословное заявление писателя перед телекамерой), т.к. прежде он хоть в лице этой организации имел вдумчивого и оценивающего читателя.

После этой сентенции нам показывают писателя "принесшего в магазин свои книги на продажу". Известно, что издание одной тысячи экземпляров книги обходится в две-три тысячи долларов. Значит, есть у живущего на велфэйре писателя эти деньги. А если книги его так хороши, как он думает, их должны буквально расхватывать читатели, знающие русский язык... Но на поверку оказывается, что король-то голый.

Один из участников фильма "Русские здесь" с тоской вспоминает о том, что в СССР не надо "бороться за свое место на службе". Это в стране-то анонимок, различных проработок не надо бороться за место? В стране, где в борьбе за место человек превращается в зверя, и это еще и поощряется звериным государством?

Говорится в телефильме и о том, что иные приехавшие из Советского Союза страдают от того, что изменился их статус. Там, мол, человек ходил в руководителях, а тут оказался никем. Но ведь для каждого, кто жил в СССР, не секрет, что многие так называемые руководители — это дутые величины. За их титулами ничего не стоит. Чем занимается человек на такой должности, зачастую понять так же трудно, как найти занимающего эту должность в его кабинете. Как, к примеру, можно определить обязанности человека, представившегося нам "бывшим боссом студенческого клуба"? Вот так прямо и сказал. И не смутился. Очень страдает он оттого, что здесь ему быть "боссом" не приходится.

Но этот бывший босс клубного масштаба, хоть кое-как, но по-английски говорит. А ведь многие другие участники фильма, хоть и пробыли в Америке не один год, и слова сказать не могут. Они, по сути дела, живут не в американском обществе, а в том узком мирке таких же, как они сами. Не зная языка, они замкнули себя в том, что теперь получило имя "русского гетто". Они не живут в американской демократии, о которой берутся судить, а лишь постоянно борются с ней. Как могут они понять, что американская демократия, несмотря на все ее недостатки, — высший этап развития человечества.

Предстал перед нами на телеэкране некий поэт, нарядившийся зачем-то в женское платье и с рюмкой водки в руках. Он тоже жаловался, что не имеет доступа к американской публике. Но как использовал он вдруг представившуюся ему возможность выхода на американскую публику? Позировал, стремился "создать впечатление", что-то лепеча о российской дружбе, настоящей на водке, о дележе последнего куска хлеба с другом "там". И не приходит в голову "инженеру человеческих душ", что делить в Америке хлеб ни к чему. Велфэйр и прочие пособия с голоду умереть не дадут, да и у соседа всегда кое-что найдется в холодильнике. Безотрадное впечатление произвел этот поэт.

Заканчивая фильм, его ведущая Джессика Савич, говорила, что иные из тех, о ком фильм, хотели бы вернуться, но хотим ли мы, — то есть, аудитория, — чтобы они вернулись? И этот вопрос больше, чем что-либо иное, раскрывает перед нами душевную щедрость американцев. Они щедры, но, как и свойственно добрым людям, наивны. Беда, если голоса лепечущих о трудностях наполнения желудка и обретения статуса в условиях демократии и свободы, будут приняты ими за истинный голос недавних эмигрантов из СССР.

Затратившие много времени и труда авторы фильма имели все возможности для того, чтобы создать полноценный фильм о российской эмиграции, но прошли мимо всего того, что могло бы показать ее в правдивом положительном свете. Сделали ли они это сознательно или по недомыслию, не столь уж и важно. Важен результат — кривое зеркало эмиграции.

Гарри Табачник
(*"Новое Русское Слово"*)
17 июня 1982

РУССКИЕ-ТАКИ ЗДЕСЬ!

Мне довелось посмотреть телепередачу Пи-Би-Эс "Русские здесь". Это, пожалуй, первая попытка средств массовой информации проанализировать иммигрантов нашей волны эмиграции и понять ее социальные и политические корни. Сразу скажу, что попытка эта предпринята с довольно сомнительными целями: телезрителю внушалось, что мы рабы, алкоголики и невежи, предпочитающие жизнь при коммунизме жизни в нормальном капиталистическом обществе. Рупорами этих отвратительных идей выступили поэты Лев Халиф и Константин Кузьминский, взявшие на себя смелость говорить от имени всех нас, и страстно доказывавшие американским телезрителям, что мы ушли от коммунизма к демократии потому, что понятия не имели, как ужасна демократия и как мила жизнь при КГБ, где вышеперечисленные инженеры человеческих душ чувствовали себя важными и значительными, а приехав в Америку, поняли, что никому здесь не нужны. Наши непризнанные гении теперь точно знают, что свобода — не для них и не для нас. Они готовы вернуться в Советский Союз вместе с несчастными, скверно выглядящими на экране жителями Брайтон Бич. Но, пока это невозможно, наши эмигранты предпочитают дублировать зарубежные порнофильмы и слушать записанные на видеопленку песенки Фрадкина на слова Долматовского.

Камера любовно рассматривает гнусную оргию, в центре которой вальяжно развалился пост, с упругого живота которого то ли пес, то ли приятели жрут картофельные "чипс". Тут же декадентствующие барышни, похожие на тех, что мы оставили в подворотнях Марьиной Рощи, и другие люмпены пьют стаканами водюру, создавая у пораженных всем этим телезрителей чудовищное впечатление о России, которую действительно трудно понять умом в такой мизансцене.

Создатели фильма сделали все возможное, чтобы американцы перестали подавать нам руку: кто же захочет общаться с сукиными сынами, не способными отличить фашизм от демократии? Кто же захочет общаться с людьми, в чьих мозгах вытравлены клетки свободы? Кому нужны эти жалкие, нелепо пританцовывающие ди-кари, прожигающие жизнь в ресторанах Брайтон-Бич, нажирающиеся так, будто завтра Америка переходит на карточную систему или вообще завтра ничего не будет, а будет только музыка — пошлые графоманские песенки а-ля-цыгане.

Стыдно, господа!

Не такие мы. И не потому мы уехали. И не так мы живем. Так живут те, кто не умеет и не хочет жить иначе.

Я не обижаюсь на создателей фильма, сработавших эту ленту по худшим образцам советской пропаганды на радость андроповским молодчикам и тухлым либералам из средств массовой информации США, которые хотят устами наших эмигрантов доказать преимущества социализма перед прогнившим капитализмом. В конце концов, это их право: у нас свобода печати. Мне лишь стыдно за тех бывших "борцов за свободу", которые, ничего не умея и ничего не поняв, в сущности оклеветали нашу эмиграцию.

Трудно ли нам тут? Да, трудно. Такие ли мы, как показали нас в фильме "Русские здесь"? Нет, не такие!

А какие?

* * *

Подумайте сами: врачи приехавшие сюда без знания языка, без знания того, что им предстоит, сдают все эти чудовищные экзамены и становятся американскими врачами! Откуда в вас эти силы, друзья мои? Откуда этот железный напор, стальная воля, жизнеспособность, позволяющая вам на первых порах жить в убогих квартирах, к которым вы не привыкли, и долбить, долбить, долбить эти огромные фолианты на чужом языке, чтобы стать на свое место. На свое? Нет, на особое место в американском обществе, где врач — это врач!

Я думаю сейчас о докторе, моем друге, профессоре из Москвы. Он живет в Лос-Анжелесе. Он лечит американцев и русских эмигрантов. Он лечит моего папу. И маму. И покрикивает на них, когда они его не слушаются. В Москве он был крупным врачом. В Америке он стал крупным врачом. Он пробился через чудовищные трудности. Чье место он занял в своей новой жизни? Свое. Снимаю шляпу перед вами, доктор!

Я думаю еще об одном друге. Там он был начальником домостроительного комбината. Ну, кем может работать в Америке бывший начальник? Правильно, чернорабочим. Так он и делал. Жена его была зубным врачом. Что может делать здесь стоматолог из России? Правильно, мыть полы. Так она и делала в одном из домов для престарелых. Но мой друг копал землю и смотрел, как строят тут дома. А потом он бросил свою лопату и стал строить сам. Он построил три дома, которые даже по меркам Беверли Хилс, где живут звезды, — дворцы! Он их построил с такой инженерной изобретательностью, что со всех концов Америки к нему тянутся специалисты, чтобы посмотреть на это чудо. Потому что его дома висят на склоне горы.

Как они висят, я не знаю, спросите у него сами. Но они — лучшее, что я видел в Америке, а я уже видел тысячи домов, богатых и бедных, "колонилалс", "сплитс", "рамблерс" и шмамблерс. Я видел все, а таких домов не видел. И мой друг стал "билдером". А его жена купила тот дом для престарелых, где она мыла полы. И теперь они успешные американцы.

Я думаю о другом моем друге, кандидате экономических наук. Он приехал в Нью-Йорк и на следующий день испек пирожки с картошкой. Зачем? Он взял эти пирожки и пошел на кампус Колумбийского университета. Там он их продал с лотка. Он каждый день приходил туда и продавал пирожки, которые он выпекал. Наверное, его мама научила его этому, обычно московские ученые не очень сильны в этой части науки. И подзаработав на этом немного денег, он нанял двух теток, которые по его эскизу пошили пестрые фартучки, к радости студентов того же университета. Надо добавить, что мой друг утром продавал свою продукцию, а вечером его приглашали выступать в различных клубах, университетах и синагогах, где он рассказывал об экономике России и о положении евреев в СССР. На одной такой встрече к нему подошел старичок и сказал, что сдается ему, молодому человеку нужна работа. Пусть зайдет завтра в пять. Он торгует очками. Что-нибудь придумаем.

Другой бы сказал: торговать очками? С моими дипломами и амбициями? Да я в Москве был ого-го кем! Да на меня министры равнялись! Да я за руку был с самим Николаем Васильевичем! Да я...

Мой друг был нормальный человек, он так не рассуждал. Он знал, что у старика есть работа! И ровно в пять он был там. Старичок действительно торговал очками, но не в том смысле, что у него была лавочка в Бруклине и он нуждался в кандидате экономических наук, чтобы тот подметал ее после ухода хозяина. Он был хозяином крупнейшей оптической фирмы по оптовой продаже линз и оправ в США. А может быть, и во всем мире. Есть такие тихие старички, чаще всего из Витебской губернии.

Мой друг стал носить ящики в огромном складе. А потом пошел к старичку и сказал, что он носит и ставит ящики так, а надо бы их носить и ставить вот так. Старичок сказал: "Этого я и ждал от тебя". И теперь мой друг вице-президент той очкастой фирмы. И жена его уже сдала все экзамены на врача и открыла свой офис. Русские здесь! Это они правильно говорят...

Был у меня в Москве товарищ. Он был хорошим инженером. Он давал Госплану и Совету министров свои рекомендации и предложения. Скажем, как выгоднее провести газопровод из точки А в Сибири в точку Б в Малаховке. Ему говорят: вы очумели? Это

же десять миллиардов рублей! Вы знаете, что такое десять миллиардов? Он говорит: это десять в десятой степени. Его не интересовали их глупости, он занимался концепциями. Поэтому он им был не нужен. Он уехал в Техас. И стал изобретателем. Он изобретает те вещи, которые сэберегут предпринимателям и фирмам миллионы долларов. И их покупают. И он скоро перевернет всю эту Америку, потому что идеи из него прут, как продукты из моего холодильника. А так, как он концептуалист, а по-нашему системщик, то ему все равно в какой области изобретать: в нефтяной ли, в угольной ли промышленности, в разведении бобров или в области солнечной энергии. Такой у него мозг. И ему есть что добавить к американской системе свободного предпринимательства. Мой товарищ и сейчас — один из самых успешных людей нашей эмиграции, а что будет завтра? Вот увидите, что будет...

К чему я вам рассказываю все эти истории? А вот к чему: я думаю о своей родине. Я думаю о том, что она потеряла, потеряла от ненависти к нам, от гнусного своего неприятия людей талантливых, решительных и творческих. Нынешние правители нашей родины думали, что вытеснив нас в эмиграцию, они тем самым обрекают нас на несчастье и неприкаянность, они надеялись, что мы никому не нужны в этом мире, что мир отторгнет нас. Ан нет, ребята! Я бы мог порассказать вам сотни историй, вроде вышеизложенных. Я вам еще расскажу о моем брате Мише, замечательном кинооператоре, бьющемся сейчас со всем Голливудом за свое место под киносолнцем, потому что это его призвание, и он своего добьется! Он сказал мне как-то: "Понимаешь, мы представляем собой некое физическое тело, помещенное в другую среду. Но мы уже здесь, и никуда они от этого не денутся. Им придется потесниться". И с точки зрения физики, и с точки зрения здравого смысла он прав. По-моему.

Я расскажу вам и о других моих товарищах, знакомых и незнакомых, чьи успехи мне по сердцу. Чуть не забыл: всем тем, о ком я вам сегодня рассказал, — пятьдесят или чуть больше. Или меньше. Каково в этом возрасте шагать по жизни? Поэтому я не пишу о молодых — им и карты в руки!

И еще я думаю, что наш отъезд — удар по русской культуре. Той, которую мы так любили. И создавали. Потому что литературу делают читатели. Где теперь читатели? Театр — это зрители. Где теперь зрители? Для кого будет писать ваш любимый поэт? Ведь вас уже нет. Кто будет шептаться в фойе после просмотра в театре на Таганке? Ведь вас уже нет. Для кого будет стараться кинорежиссер Икс? Теперь над его фильмом будут ржать эти, ржущие в самых кровью сделанных местах. Ведь вас уже нет.

У писателя Рэя Бредбери есть рассказ "И грянул гром". Это о том, что некая предприимчивая фирма организует путешествия в прошлое. Вы можете купить билет, уехать на машине прошлого в доисторические времена и убить там мастодонта. В доисторических джунглях пробита тропа к тому месту, где пасется этот мастодонт. (Или динозавр, черт его знает, как его звали). Его можно убить потому, что через секунду после вашего выстрела на него все равно упадет сук, который его прикончит. Так что вы не нарушите законов эволюционного развития. Эволюция от этого не пострадает. Но главное условие — вы не имеете права сойти с тропы. Если сойдете, то можете раздавить какого-нибудь жучку или бабочку, отчего весь ход исторического развития будет разрушен. (Я не скучно пересказываю? Тем более, что я читал этот рассказ очень давно. Мировой рассказ!).

А в это время в Америке происходят выборы президента. И всюду развешаны плакаты: "Выбирайте Говарда Смита, этого поборника прав человека! Не голосуйте за Джона Джонсона, этого черносотенца и мракобеса!".

И вот некто отправляется на сафари в прошлое. И нечаянно давит бабочку. И, вернувшись на машине времени домой, все видят плакат, на котором написано: "Да здравствует наш президент Джон Джонсон, наш вождь и учитель!". Некто раздавил лишь ничтожную бабочку, и весь ход истории повернулся вспять! Вот такой рассказ.

Вы мне скажете: перестань, нас всего горстка, а там осталось множество прекрасных людей. Наш исход совершенно незаметен в такой большой стране, как Россия. Нет! — скажу я. — Мы — там маленькая бабочка, которую раздавил некто. Но мы остались в живых. Мы выжили! Мы нашли свою страну. А там тем временем изменился эволюционный процесс. Как жаль оставшихся!

Но нам — смотреть вперед. Нам — следовать по тропе времени, зорко высматривая притаившихся в чаще мастодонтов. Нам — думать о себе и своих детях. Мы ушли из нашего прошлого в наше будущее. И мне легче идти по этой тропе рядом с вами, друзья!

* * *

Вот какие мысли возникли у меня после просмотра лживого пропагандистского фильма "Русские здесь".

Мы — часть своего народа. Каждый народ имеет право на своих гениев и своих преступников, на своих удачников и своих неудач-

ников. Но народ, лишенный стремления к свободе, — не народ. Это чернь. Представлять нас чернью — дело неблагодарное и подлое.

Илья Суслов
(*"Новое Русское Слово"*)
21 июня 1983 года

ДЕМОНСТРАЦИЯ В БОСТОНЕ

В пятницу 17 июня около трехсот жителей Бостона — эмигрантов "третьей волны" собрались у здания телевизионной студии WGBH на Вестерн Авеню 125 в Аллстоне, чтобы выразить свое возмущение и протест против тенденциозной передачи "Русские здесь!", показанной 13 июня по телевидению 2-го канала (в Нью-Йорке — 13-го) в программе "Frontline".

Передача эта, подготовленная журналисткой Офрой Бикел при содействии ведущей Джессики Савич, показывала жизнь сотысячной эмиграции из СССР в США в самом неприглядном виде через сенсационные картины жизни и быта отдельных опустившихся людей из числа эмигрантов. При этом не говорилось, что за пределами Брайтон Бич, да и на нем самом, нашли свое почетное место в американской жизни и честно трудятся десятки тысяч людей — выходцев из России: инженеров, врачей, профессоров университетов, программистов, музыкантов, бизнесменов и др.

Представители русско-еврейской общественности Бостона вышли на улицы с плакатами, красноречиво говорящими об их отношении к этой провокационной передаче, несправедливо очерняющей в глазах американцев всех выходцев из России. На плакатах были надписи: "Кто стоит за этой программой?", "Спасибо за пропаганду! КГБ", "Русские здесь!" — это диффамация русских со стороны WGBH". "Джессика Савич позорит нас", "Передача Офры Бикел — это дискриминация русских евреев!", "Мы любим Америку!", "Благодарю Офру Бикел за ее работу. Юрий Андропов" и др.

Более двух часов длилась эта необычная для русской колонии в Бостоне демонстрация. Были собраны сотни подписей под письмом протеста, которое участники демонстрации решили направить в газету "Нью-Йорк Таймс". В нем жители Бостона требуют прекратить демонстрацию провокационного фильма и предоставить им возможность осветить жизнь русской эмиграции в правдивом и объектив-

ном свете.

Демонстрация русских эмигрантов Бостона показала, кроме всего прочего, что в их среде растет желание активнее участвовать в общественной и политической жизни их новой родины.

Александр Гершкович
(*"Новое русское слово"*)
21 июня 1982 года

ОТКУДА МЫ? КТО МЫ? И КУДА МЫ?

Ложь и тенденциозность фильма "Русские здесь" начинается с его названия. Названия лихого и нелепого. "Русские здесь". Какие же мы русские? Мы евреи и уехали из большевистской империи по названию СССР как евреи. Только часть из нас из собственно России, а большинство ведь с Украины, Молдавии, Грузии, Белоруссии, Узбекистана, Прибалтики и т.д. И все мы очень разные. И евреи из Бухары так же разнятся от евреев из Ленинграда, как йеменские евреи от французских. Уже это одно обнаруживает поверхностность и легковесность подхода авторов фильма к облику нашей эмиграции, который они пытались создать в своем кривом зеркале. Они не могли не знать этого, тем более, что режиссер монтажа фильма, Виктор Норд, сам эмигрант. Ну пусть, допустим, американка Джессика Савич — ведущая фильма — могла не знать этой разницы, очевидно, для нее все евреи, как кошки ночью — серы.

Явной провокацией пахнет от названия фильма еще и потому, что почти любому американцу известна книга "Русские идут" с явно непристойной для них ассоциацией? И вот, подыгрывая этой ассоциации, создатели фильма как бы подталкивают зрителя к мыслишке: так вот же, русские, что шли к нам, так они уже здесь, наконец. Полюбуйтесь на них, дорогие американцы-соотечественники, вы не ошибались в своем предчувствии-ожидании. Вот они — убогие, отвратительные, грубые, глупые недочеловеки, которые не доросли для естественного для западного человека блага — свободы. По ходу было сделано и другое недоброе, чтобы не сказать, подлое дело — был брошен камень и в собственно русскую этническую группу, назвав непривлекательных "героев" фильма — русскими. Американские средства массовой информации, находящиеся под сильным влиянием левых либералов, много лет упорно внедряют в головы американцев пресловутое тождество соверский — русский. И как упорно с этим утверждением не борются выходцы из России, а воз и ныне там. Много неприятного стоит за этим постоянно повторяе-

мым тождеством, в том числе и оскорбление национального достоинства других народов, насильно удерживаемых в ярме под названием СССР. Все эти общеизвестные факты умышленно игнорируются американскими друзьями "самого прогрессивного общества на земле".

И чтобы, наконец, завершить затянувшееся вступление о названии фильма, хочу подчеркнуть его нелепость следующим сравнением. Никому не пришло бы в голову назвать фильм о беженцах-евреях из нацистской Германии "Немцы здесь". Это звучало бы издевательски, кощунственно. А разве название фильма о беженцах из страны красного фашизма "Русские здесь" звучит менее кощунственно?

Мы, стар и млад, родившиеся и выросшие в порабощенной коммунистами стране, обреченные быть до конца своих дней рабами жестокой, бесчеловечной системы, находившиеся под неослабным идеологическим прессом, нашли в себе мужество бросить вызов этой системе, заявив о своем желании эмигрировать.

В один миг, с момента подачи заявления мы, из покорных рабов превратились в "изменников Родины" с их, коммунистической точки зрения. Ох, как любят они примазываться к высоким понятиям, как Родина, чтобы попристойнее выглядеть в глазах собственного народа.

Заявив о своем желании эмигрировать, мы тем самым отвергли ценности тоталитарного загона. И они нам этого не прощали. Кто принял это решение осмысленно, при зрелом размышлении, кто спонтанно, как рыцарь на час, а потом пожалел, так и не сумев "выдавить из себя раба". Как бы то ни было, это был акт протеста. Тех, кто оказался слаб духом, кого потянуло опять в родное, до боли знакомое ярмо, следует прежде всего пожалеть, как следует пожалеть каждого, в ком не состоялся свободный человек. И такие среди нас есть, хотя их и немного. Невозможно желать, чтобы все 300 тысяч, покинувшие страну, оценили должным образом свободу. Слишком долго и сильно уродовалась благородная человеческая глина коммунистическими скульпторами, чтобы, покинув эту адскую мастерскую, мы, по мановению волшебной палочки, превратились в этакие совершенные создания. Ведь даже среди тех, кто родился в условиях свободы, можно встретить немало таких, кто не несет в себе сознание свободных и ответственных людей... Тому есть немало примеров здесь. И будь у руководителей 13-го канала, так кичащихся своей интеллигентностью, поболее души и желания разобраться в том, кто мы есть, не пустили бы они в эфир столь оскорбительный фильм, выставив на позор всей страны целую этническую группу. Ведь любому эмигранту, кому не отшибло память, памятно, что значило подать заявление на выезд. Никто и никогда не был

уверен в благоприятном исходе. Любой, идя на этот шаг, мог получить отказ и превратиться в парию из париев. Чтобы запугать, отбить желание эмигрировать, власти, по сути дела, затеяли страшную игру, очень похожую на "Русскую рулетку". Чтобы невозможно было предугадать логику разрешений и отказов, произвольно, многим, самым обыкновенным людям, не имевшим никакого отношения ни к каким государственным секретам, даже к секрету устройства водопроводного крана, было отвечено отказом. И участь их ужасна. Часть из них и по сей день толпится там, проходя круги преследований и унижений. Уже открыт нелегальный счет самоубийств затравленных и растет число кладбищенских рядов, где лежат те, кто сражены сердечными ударами и пополняются тюремные камеры теми, кто активно не смирился с судьбой невольников. Это тоже известные факты, но какое дело до них авторам фильма? У них были иные задачи.

А теперь, собственно, о фильме. Центральными эпизодами фильма, безусловно, являются эпизоды с таксистом, ресторанные, интервью с писателем Л. Халифом, поэтом К. Кузьминским и эпизод с эмигрантами, дублирующими зарубежные порнофильмы. Интервью с другими участниками выглядят блекло и маломотивированно, они как бы образуют фон для оттенения центральных эпизодов. А текст интервью с С. Довлатовым и Вайлем и Генисом выглядят явно кусками, вырванными из общего более обширного контекста интервью, для того, чтобы подтвердить главную концепцию фильма, что мы, "русские" (пользуясь терминологией авторов фильма) до свободы и демократии не доросли, ею мучаемся, а если и пользуемся ею, то в отвратительной форме. Монтаж фильма и вся его структура выполнены таким образом, чтобы предельно обобщить эту концепцию.

Кино, как и телеэкран, имеет колоссальную силу обобщения, особенно при грамотном монтаже, подборе и последовательности кадров, и этого не могут не знать авторы фильма, тем более, что ответственный за монтаж Виктор Норд, так же, как и автор этих строк окончил одну из лучших киношкол мира — ВГИК, где на лекциях по мастерству это свойство документального экрана подчеркивалось постоянно как одна из азбучных истин. Все профессиональное умение режиссера, оператора и монтажера было сконцентрировано на лживой идее, что свободу мы не любим, демократию не ценим, а все вместе выгладим персонажами зоопарка. Не утруждая себя поисками истины, авторы смастерили обличительный фильм в лучших традициях советской пропаганды производства Центрального телевидения и Центральной студии документальных фильмов. Право, Виктор Норд, не стоило выезжать из СССР, чтобы делать такой

фильм. Дяди из аппарата пропаганды ЦК КПСС вполне предоставили бы Вам возможность состряпать подобный фильм, ну, разве что с некоторыми купюрами. Непорядочно воспользовались Вы свободой на Западе.

Меня не волнует, как ведет себя в жизни и на экране К. Кузьминский, так как мне он попросту не интересен. И богомность его выглядит весьма и весьма провинциально со всем этим расхожим набором: патриархальная борода, длинная рубаша, водка и девочки. Тоска. И примитивность. Отсутствие воображения. Но когда, в силу явно выраженной тенденциозности фильма, К. Кузьминский подается как некий представитель творческой эмигрантской интеллигенции, здесь начинается провокация. Впрочем, тоже примитивная.

Я далек от мысли упрощать проблему адаптации эмигрантов в новой стране. Многим из нас поначалу пришлось круто, в том числе и автору этих строк. Не все работают по специальности. Но Америка и не гарантировала нам те же должности, те же профессии, которыми мы занимались в Союзе, не гарантировала нам славу, читателя и массовые тиражи книг. И нелепо жаловаться тем, у кого этого нет. Америка гарантировала нам убежище, помощь, обретение человеческого достоинства и, главное, что не имеет цены — свободу, свободу быть самим собой. И она сдержала свое слово. И все, в ком есть совесть и жива объективность, безмерно благодарны за это нашей новой родине. Америка предоставила нам равные права и невиданные возможности. Разве этого мало? А остальное предоставлено нашей воле, нашему уму, умению дерзать. Но Америка не брала на себя обязанности быть постоянной нянькой у взрослых недорослей. И требовать этого — постыдно и безнравственно. И когда Лев Халиф, рассчитываясь в обильном супермаркете за покупки фудстемпами, которыми так, ни за что, ежемесячно снабжает его эта страна, чтобы поддержать могучее писательское вдохновение, жалуется на свою судьбу и тоскует при этом по тоталитаризму, то это выглядит отвратительно. Как писателю, ему бы следовало соразмерить свое бытие с тем, как мучался в нищете великий Бунин, живя доходами только от своего литературного труда, и не забывать, как окончил свои дни в коммунистическом концлагере великий поэт Осип Мандельштам, что случилось с Мариной Цветаевой и с другими известными и совсем неизвестными людьми. И в конце концов, не забывать о миллионах, которым судьба не подарила случай, пребывая в сытости и имея возможности читать любые книги, ругать демократию, кто был бы рад раздетыми и разутыми уйти от своих мучителей куда глаза глядят, лишь бы никогда не видеть их.

Есть своя логика в том, что фильм "Русские здесь" получил именно таким, каким мы его увидели. Он получился таким

потому, что у его авторов были сходные критерии и точки отсчета со своими выбранными "гвоздевыми" героями. Я утверждаю, что они психологически родственны друг другу, ибо каждый видит мир и отражает его в соответствии с содержанием своей души. Убожество задач и убожество выполнения.

О том, что фильм "Русские здесь" не случаен, а заранее продуманный и спланированный кем-то акция, говорит хотя бы такой факт.

Три года назад на одну из программ 13-го канала мной был предложен сценарий документального фильма о русских художниках в эмиграции под названием "В зеркалах". С одобрением он был принят продюсером, о чем свидетельствует имеющийся у меня меморандум. Уже образовалась творческая группа для работы над фильмом: Э. Анцис, Евг. Гинзбург, Ю. Нейман. Все шло на лад и вдруг, где-то там, наверху, в руководстве Пи-Би-Эс сценарий был остановлен и, что называется на языке кинематографистов, "зарублен" под благовидным предлогом, что план производства сверстан на два года вперед, и нет необходимости чей-то сценарий из плана выбрасывать, а наш вставлять вместо него.

А фильм должен был быть вот о чем:

"Раздумья о художниках, вынужденных покинуть свой дом, друзей, свою страну в поисках творческой и личной свободы, о культурно-исторических корнях творца, о взаимоотношениях художника и времени, о духовности, о честности в искусстве, о нелегких поисках своих путей и об обретении новой родины, Америки, гостеприимно открытой всем ветрам искусства", — вот тот круг тем, который должен быть заключен в рамки этого фильма.

Это должен быть фильм о том, как насилуется естественное течение национальной жизни в угоду кровавым социальным экспериментам, и что при этом происходит с картиной зеркала культуры.

Это должен быть фильм о том, как исковерканная жизнь создает новое зеркало, вызывающее ужас от созерцания сюрреалистических видений нового бытия.

Это должен быть фильм о хранителях духовной сокровищницы народа, о художниках, сохранивших в атмосфере всеобщего оглушения мужество и дух свободных людей".

Это выдержки из вступления к отвергнутому 13-м каналом сценарию.

Теперь, после просмотра фильма "Русские здесь" по тому же 13-му каналу, стало понятно, что левым либералам, которые вершат судьбами телестанции, такой сценарий с его ясно антикоммунистической позицией был не по вкусу, за то по вкусу пришелся фильм "Русские здесь", который протаскивает идеи прямо противоположные.

Не уязвленное авторское самолюбие говорит во мне, а горечь осознания того факта, что здесь, в Америке, в этом последнем оплоте свободы, столь открыто и нагло действуют ее разрушители.

Сейчас, после всего произошедшего, мне кажется, что возникла настоятельная необходимость сделать большой и правдивый фильм о нас, о нашей эмиграции. И пусть эпиграфом к нему станут гордые слова О. Мандельштама:

”Страна и народ уже оправдали себя, если они создали хоть одного свободного человека, который пожелал и сумел воспользоваться своей свободой”.

А нас, господа, десятки тысяч.

Могу предложить и название фильма в противовес перефразу: ”Русские идут” — ”Русские здесь”. — ”Откуда мы? Кто мы? И куда мы?”

Было бы своевременно бросить клич через русскоязычную прессу ко всем эмигрантам третьей волны пожертвовать кто сколько может на учреждение фонда для создания такого фильма. Этот фонд мог бы осуществлять свою работу под эгидой и контролем газеты ”Новое Руссоке Слово”. А сделав этот фильм, предложить его для демонстрации на тот же 13-ый или другие каналы американского телевидения. Он мог бы остаться документом времени для будущих поколений. Я со своей стороны готов работать над созданием фильма в любом качестве и безвозмездно.

Мне думается, что создание такого фильма является делом чести нашей эмиграции.

Эмиль Анчис
22 июня 1983 года

РУССКИЕ ПРИЕХАЛИ

13 июня по 2-му каналу телевидения в Бостоне и 13-му каналу в Нью-Йорке в программе ”Фронтлайн” был показан документальный фильм ”Русские здесь” (автор, режиссер и продюсер Офра Бикел). Этот фильм вызвал у меня и моих друзей чувство протеста и глубокого недоумения. Его авторы рассказывают о новой волне русских эмигрантов, приехавших в Америку в течение последних 12 лет. Наши соотечественники представлены в этом тенденциозном и несправедливом фильме, как растерянное стадо животных, выпущенных на свободу из вольеров зоопарка. Родившиеся и выросшие в неволе, они абсолютно неспособны адаптироваться в свободном

мире. Не знают, как себя вести, как достать кров и раздобыть пищу. Они тоскуют и мечутся, мечтая снова попасть за решетку, где им обеспечена не очень жирная, но все же похлебка.

Кроме экскурсовода Марины, ни один из героев не сумел найти свое место в новом обществе. Молодой официант из ресторана жалуется, например, что его мама, которая в СССР работала старшей медицинской сестрой, была любима и уважаема всеми, здесь не в состоянии работать медсестрой... Почему? Почему сотни врачей и медсестер могут, а она нет? Разве Америка в этом виновата? Взгляните на последнюю страницу НРС. Какое количество объявлений дают русские врачи, предлагая свои услуги во всевозможных областях медицины. Очевидно, они много и тяжело работали, сдали необходимые экзамены и получили лицензии...

Нет ни одного рода деятельности, где бы русские эмигранты не проявили себя талантливыми и трудоспособными гражданами. Десятки музыкантов солируют или играют в самых престижных симфонических оркестрах. (В одном только Бостонском оркестре — 5 человек). В Бостоне, самом "университетском" городе Америки, преподают более двадцати русских профессоров. Говоря о бизнесе, самом уязвимом поле деятельности для русских эмигрантов, не имеющих опыта свободного предпринимательства, можно только радоваться тому, как много наших соотечественников открыли собственное дело, и сколько из них оказались успешными. Это ювелиры, парикмахеры, портные, сапожники, владельцы бензоколонок, магазинов, ресторанов...

Кстати, роскошные и элегантные рестораны, в которых авторы фильма показывают обливающихся водкой и ностальгическими слезами эмигрантов, — тоже принадлежат русским эмигрантам. Несколько эмигрантов стоят во главе крупных бизнесов, имеющих миллионные обороты. Достаточно упомянуть Эдуарда Нахамкина, открывшего семь лет назад крошечную картинную галерею, и владеющего сегодня галереей на Медисон авеню и Художественным Центром в Сохо. Благодаря его организаторскому дарованию и энергии, десятки эмигрантских художников имеют возможность выставляться и зарабатывать себе на жизнь... Другой пример — Юрий Радзиевский. Он не открыл золотую жилу в Клондайке, или нефть на просторах Техаса. Он организовал переводческое бюро в центре Нью-Йорка, самого "конкурентного" города в мире.

Кстати, говоря о нефти в Техасе, как не вспомнить геологов-эмигрантов, работающих сегодня ведущими специалистами в таких гигантских корпорациях, как Эксон, Шелл и других.

К сожалению, в газетной заметке нет места, чтобы поименно назвать всех тех, кто верой и правдой служит своей новой родине,

кто внес неоспоримый вклад в американскую промышленность, культуру, науку и искусство. Архитекторы, кино- и театральные режиссеры, программисты, маляры, инженеры, певцы, плотники, бухгалтеры, танцоры, юристы...

Не думайте, что авторы фильма не слыхали о существовании этих людей. Они дважды приезжали ко мне в Бостон и несколько раз консультировались по телефону, спрашивая об эмигрантах, вынужденных сменить профессии, или продолжающих работать в своей области; о людях, которые смогут и захотят выразить свои впечатления об Америке и своей личной судьбе в эмиграции. Они взяли интервью у нескольких моих знакомых. И не включили в фильм н и к о г о и з т е х, кто не жаловался на судьбу, не жалел об отъезде, кто считает Америку прекрасной страной — особенно для тех, кто ценит свободу и демократию. Очевидно, мои консультации оказались ненужными, потому что среди моих друзей нет тоскующих по Комитету государственной безопасности...

Русская литература в эмиграции представлена в этом фильме двумя "классиками": Львом Халифом и Константином Кузьминским. Лев Халиф даже интервью свое дает по-русски, не в силах справиться с английским языком. И он с горделивым пафосом сетует на непонимание и невнимание к нему в этой стране. А чего бы он хотел? Чтобы многомиллионный американский народ выучил поголовно русский язык, чтобы прочесть его шедевр "ЩДЛ"?

Постоянно пьяный Кузьминский саркастически благодарит Америку за то, что его не "экстерминировали". Неужели литератору, семь лет прожившему в этой стране, нечего больше сказать?

Почему авторы фильма решили, что именно эти люди характерны для нашей эмиграции? Что именно об их проблемах должен знать американский зритель? В Америке существует свобода, и авторы использовали ее, чтобы нас оболгать и не сказать правды об СССР.

После просмотра этого фильма я спросила себя: если бы я была американкой, ничего не знающей о Советском Союзе и еврейской эмиграции, что бы я подумала о показанных в фильме людях? Захотелось бы мне сблизиться с ними, дружить с ними, помогать им, способствовать дальнейшей эмиграции? И я должна была себе признаться: ни в коем случае!

Авторы фильма опорочили и опозорили целую этническую группу в классических традициях расизма и дискриминации.

Я убеждена, что Комитет государственной безопасности, советское правительство и Центральный Комитет во главе с тов. Андро-

повым скажут авторам этого фильма: "Большое спасибо! Хорошо поработали, товарищи!"

Людмила Штерн
(*"Новое Русское Слово"*)
23 июня 1983

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ 13-ГО КАНАЛА НЬЮ-ЙОРКСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Уважаемый господин редактор!

Фильм "Русские здесь", показанный дважды по телевидению (13 канал), возмутил и многих русских эмигрантов, и многих американцев, которые хорошо знают третью волну эмиграции из СССР. Этот фильм утверждает, что чуть ли не все русские эмигранты — либо идиоты, либо люди, настолько одурманенные советским воспитанием, что они просто не способны оценить блага свободы и демократии.

Конечно, Вы можете сказать: "А что мы можем сделать, если русский писатель Лев Халиф говорит, что в СССР он чувствовал себя личностью, так как за ним наблюдали, то есть обращали на него внимание, хотя бы карательные органы, а здесь он и его книги никому не нужны и личностью он себя не ощущает?"

Конечно, вы можете ответить, что это не американский, а русский писатель Сергей Довлатов заявляет, что здесь трудно быть журналистом, ибо нужно думать, искать, размышлять, о чем и как писать, в то время как в СССР — все запланировано, все, что нужно писать, указывают сверху. Вы можете иронически заметить, что это не американский любитель марихуаны, а наш русский поэт Константин Кузьминский, развалясь полупьяный в обнимку с трезвой собакой и пьяным дружкой, надменно-расслабленно вещает благоглупости. Вы можете также сказать, что это русские журналисты, забывая о правозащитном движении, о борьбе верующих за право верить в Бога, о национальных движениях в Прибалтике, России, Украине, Грузии, Армении, утверждают, будто в России никакой политической активности не было, и всех друзей скрепляла только водка.

И ваши ответы будут верны. Но почему создатели фильма "Русские здесь" пригласили участвовать в нем именно лиц подобного рода: либо лентяев и неудачников, сидящих на велфэyre и в то же время поносящих американскую демократию, либо завистливых и обозленных людей, для которых эпатаж стал чуть ли не второй профессией, либо хронических циников?

Это письмо было отправлено руководству 13-го канала нью-йоркского телевидения, в газеты "Нью-Йорк Таймс" и "Нью-Йорк Трибюн"; президенту Рейгану, сенаторам Джексону, Мойнихену, Флорио и многим конгрессменам.

Я не говорю, что таких людей не нужно было приглашать участвовать в фильме. Но почему бы ради объективности не показать все срезy русской эмиграции, а не только, повторяю, обозленных неудачников? Ведь в Нью-Йорке живут и работают русские эмигранты — журналисты, писатели, поэты, философы, артисты балета, художники, для которых слова — честь и совесть — не стали пустым звуком, как для большинства представителей "творческой интеллигенции", выступавшей в фильме "Русские здесь".

Некоторым писателям, поэтам, художникам, так же как, скажем, и инженерам, на первых порах в эмиграции трудно: они работают кто в книжном магазине, кто сторожем, кто таксистом, а занимаются своим делом в свободное время. Они, так же как неофициальные художники и писатели в СССР, работающие лифтерами и почтальонами, находят в себе силы и для своего творчества. Таких людей много в нынешней русской эмиграции в США. Почему же и их, и уже добившихся в США признания и славы, русских художников, поэтов, артистов балета, писателей, шахматистов и обретших себя в США бывших советских инженеров не пригласили на съемки этого фильма наряду с Довлатовым, Халифом, Кузьминским? Кому понадобилось создать оскорбительный фильм о русской эмиграции вообще и особенно — о творческой ее части? Кому понадобилось повторять для миллионов американских телезрителей то, что пишут сегодня советские газеты: эмигранты из СССР в капиталистическом мире бедствуют. Это ложь! Зачем вы эту ложь помогаете распространять?! Ведь недаром ведущая в конце фильма резюмирует, что, мол, если этим людям не нужны свобода и демократия, зачем они сюда приехали?

Господин редактор! Я сам эмигрант, и у меня много друзей среди русских эмигрантов. Многим из них нелегко, и это естественно — эмиграция вообще нелегкая вещь, — но им всем нужна свобода и демократия, они об этом говорят прямо и недвусмысленно в своих выступлениях и интервью. Но, увы, создатели фильма "Русские здесь" предпочли иметь дело с теми, кому свобода и демократия в тягость. А из-за трех-четырех человек подобного рода создается искаженное представление обо всей новейшей эмиграции из СССР, о русских людях вообще.

С уважением,
Александр Глезер,
Главный редактор издательства "Третья волна",
директор Музея современного русского искусства в изгнании в Джерси Сити
(*"Новое Русское Слово"*)
24 июня 1983 года

РАСИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ? НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, ВЕДЬ ЖЕРТВЫ – ВСЕГО ЛИШЬ ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ

13 июня Служба общественного телевидения, существующая частично за счет налогов с населения, впервые показала в Нью-Йорке "документальный фильм", бойко названный "Русские уже здесь". Предполагается, что фильм будет показан десять раз по всей стране. Заглавие представляет собой избитую шутку (мол, "русские уже здесь", то есть "советские войска уже вторглись в Америку" – эта шутка использовалась в заглавии, например, газетой "Нью-Йорк Таймс"). Речь в фильме идет примерно о ста тысячах новых эмигрантов из России, проживающих в Соединенных Штатах. Большинство этих "русских" – евреи, бежавшие от тоталитарного антисемитского режима, а некоторые из них – герои борьбы против этого режима. Ассоциировать их в названии "документального фильма" с советскими завоевателями – это не только избитая, но и не совсем уместная шутка. Но просто ли шутка это название? Отнюдь нет.

ВРАГИ

"Мы думаем о них как о врагах", – начинает ведущая Джессика Савич дикторский текст. И на экране – "русские", то есть те, кто находятся в пределах тоталитарного режима, "русские" вообще, все "русские". Идея "документального фильма" такова: "русские", которые "уже здесь" (то есть, евреи, бежавшие от антисемитской тирании и герои борьбы против нее) – это, умственно и психически, те же самые "русские" – КГБ и военщина – захватывающие мир. И эта тема возникает снова. На экране – советские отборные войска, шагающие церемониальным шагом, которые ассоциируются у американцев с нацистами. А ведущая говорит о "русских", которые "уже здесь", как о "детях другой (то есть, советской агрессивной военизированной тоталитарной – Л.Н.) системы... которая сделала их тем, что они есть".

Однако, это не значит, что создатель фильма считает советский режим злом. Совсем наоборот. Добро режима – как, например, "сеть бесплатных социальных услуг" – превозносится в дикторском тексте, не говоря уже об искусно подобранных высказываниях эмигрантов. Правда, в начале фильма ведущая объявляет: "Мы знаем очень мало о них" (то есть, "русских" внутри и вне тоталитарного режима). На это можно сказать: "Дамы и господа из Службы общественного телевидения! Если вы мало знаете об этих самых

”русских”, то какого же черта вы беретесь судить за них о сети бесплатных социальных услуг в их стране?” Ну, конечно, подобные вопросы задавать нельзя. Ответственные за фильм знают ”очень мало” о ”русских”, и знают все, а политическую идею их всеведущего фильма можно изложить таким образом:

И Америка, и советская ”система” — это сочетание добра и зла. Как ”дети” своей ”системы” ”русские” любят добро и зло своей системы, а в Америке чувствуют себя потерянными, испуганными и несчастными: они не могут привыкнуть ко злу американского общества, а его добро им чуждо и непонятно. Оставим ”русским” их ”систему”. Эмиграция ”русских” из их ”системы” была ошибкой, как ошибкой является любая попытка лишить ”русских” их ”системы” или пытаться изменить ее.

Из идеи фильма, между прочим, следует, что нет необходимости и в усиленном беспокойстве по поводу обороны против ”русских”. ”Русские” создали свою ”систему”, и ее детьми они являются, но эту ”систему” нельзя навязать американцам, ибо ”русские” и американцы — умственно и психически две совершенно различные расы. Не может же племя банту навязать свою систему англичанам. Как только показ фильма закончился, мне начали звонить невольные ”звезды” этого фильма, а также ”посторонние”, как, например, Владимир Буковский, смотревший фильм в Калифорнии. ”Звезды” объясняли мне, что ими воспользовались, вырезав из контекста и препарировав в определенных целях ими сказанное. Общее мнение эмиграции и неэмиграции: фильм — злоеющая расистская пропаганда. ”Если бы эта стряпня была бы об американских неграх или евреях, приехавших в Америку до 1917 года, на нее бы подали в суд как на расистскую или антисемитскую клевету и сняли бы с экранов”, — сказал мне художник-эмигрант. — Но мы — крохотное меньшинство. Поэтому Служба общественного телевидения может, по капризу какого-нибудь злобного телевизионного халтурщика, рисовать на нас такие же злобные карикатуры под видом документальных фильмов, какие нацисты рисовали на евреев. Мы, как негры в Америке полстолетия тому назад”.

Не совсем так. Когда поносили негров полстолетия назад, их не связывали ни с какой агрессивной милитаризованной сверхдержавой, грозящей пройти церемониальным маршем по всему миру. Наиболее злоеющий расистский обертон ”документального фильма” — внушение, что евреи, бежавшие от советской тирании и борцы против нее — это умственно и психически те же самые ”русские”, КГБ и военщина, в Польше, Кубе, Никарагуа, Южном Йемене или Афганистане.

Президент Рузвельт сослал (интернировал) свыше 100 тысяч

американцев японского происхождения. Подобная расистская пропаганда Службы общественного телевидения может повести не только к потере работы многими жертвами этой пропаганды и к понижению их общего социального статуса на Западе, но и к будущей высылке всех американцев русского происхождения.

Правда, сама Джессика Савич будет в этом случае тоже выслана, ибо и ее родители приехали из "вражеской страны". Но как говорится, сеющие ветер пожнут бурю, а сеющие расовую или классовую ненависть рискуют сами же от нее и погибнуть.

СОЗДАТЕЛЬ ФИЛЬМА

Я провел несколько часов с создателем фильма Офрой Бикел.

Я обнаружил, что она не американка и говорит по-английски хуже, чем многие эмигранты третьей волны. Не говорит она и по-русски.

Она не "очень мало", а ничего не знает о России, советском режиме или тех, кто покинул его и проживает в Америке.

Она произвела на меня впечатление человека, чей умственный кругозор уже кругозора среднего эмигранта из России третьей волны.

По мнению эмигрантов, занимавшихся телевидением в России, ее "документальный фильм" — любительство, притом бездарное.

Так почему же Служба общественного телевидения выбрала ее в качестве создателя фильма об эмигрантах, а не талантливого эмигранта из России, который является американским гражданином, знает и Америку, и Россию, причем говорит и по-английски, и по-русски?

Да потому, что бесчисленные Офры Бикелы — "свои люди" в гигантах массовой информации. И, конечно, они желают сохранить свое положение. В их глазах, эмигранты — более талантливые, умные и квалифицированные соперники. Отсюда — первый источник ненависти Офры Бикел к эмигрантам. Она желает представить своих соперников как дикарей, асоциальных умственных и физических калек, расово чуждых пришельцев — как дикарей, способных лишь пить свою русскую водку, петь свои русские песни, плясать под гармошку свои русские пляски и скучать по добру и злу своего режима, включая КГБ. Да, "звезда" этого "документального фильма" провозглашает: "Я, действительно, скучаю по КГБ".

Офра Бикел показала эмигрантам политически левой, а эмигранты показали ей правыми, о чем она и заявила. Чего же тут страшного?

Дело в том, что Офра Бикел относится к тем левым, которые считают свои политические взгляды абсолютным мерилем истины,

а тех, кто им кажется отступающим от этих взглядов хотя бы на йоту вправо — фашистами, умалишенными или дикарями. Вот отрывок из ее "документального фильма":

Э м и г р а н т (по-английски): Слишком много свободы (в Америке — Л.Н.) для преступников, слишком много свободы для молодежи.

И н т е р в ь ю е р: Почему же вы сюда приехали?

От 60 до 80 процентов американцев согласятся с данным мнением эмигранта. Их называют консерваторами, они избрали Рейгана, и в Англии консерваторы избрали Тэтчер. Для левой Офры Бикел этот взгляд — дикое, нелепое, опасное заблуждение русского дикаря: "Почему же вы сюда приехали?"

С таким же успехом "русский дикарь", который, вероятно, уже американский гражданин, мог бы сказать Офре Бикел: "А почему же вы сюда приехали?"

То обстоятельство, что взгляды эмигрантов — обычно — правее взглядов Офры Бикел, также является причиной представить эту социальную группу как сборище озлобленных, испуганных или скучающих по КГБ дикарей.

ИЗ РОССИИ ПОСЛЕ СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Эмиграция из России после 1917 года явилась мощным культурным ферментом в Америке, как это видно в перспективе времени с особой ясностью. Из четырех наиболее известных американских композиторов, двое — Рахманинов и Стравинский — эмигранты из подсоветской России. Вертолет был изобретен и построен одним из таких же эмигрантов, а кинескоп, основа телевидения — другим. Эмигранты из России создали первую кафедру социологии и заложили основы макроэкономики.

Если бы мне случилось выбирать музыкальную заставку для документального фильма об эмиграции из подсоветской России, я бы выбрал Четвертый концерт Рахманинова (он написал его в Америке) в исполнении недавнего эмигранта.

Что же выбрала Офра Бикел? Мотив восьмидесятилетней давности, исполняемый на гармонии. Эта музыка, естественно, показалась американцам иноземной, экзотической, сентиментальной, простонародной, относящейся к прошлому веку. Но в этом и цель Офры Бикел. "Русские" — это примитивные сентиментальные сельские бородачи. "У них — своя музыка", — объяснет Джессика Савич под аккомпанемент "Коробейников", исполняемых на улице. Конечно, не Рахманинов же у них! "Русские" — это восточное племя уличных музыкантов, коробейников, деревенских музыкантов.

Затем выступает ресторанный балагур-танцор-песенник, которого "знает каждый русский", согласно дикторскому тексту. Ни я, ни кто-либо из моих знакомых никогда о нем не слышали. Но подтекст тут таков: в культурных нациях каждый знает всемирно известного музыканта или писателя, или актера. Не таковы "русские": у них каждый знает "их" ресторанный балагур-танцор-песенника, а кроме них его никто не знает. У них свой замкнутый мир, свое племя, свой табор.

Между прочим, балагур-танцор-песенник танцует "фрейлехс", международный еврейский танец, что Офра Бикел должна была бы знать. Но в своем желании представить евреев из России как "русских", то есть, чужаков, дикарей, Офра Бикел готова зачислить и "фрейлехс" в дикий туземный русский танец, и все американские евреи, с которыми я говорил, именно так "фрейлехс" и восприняли в контексте дикторского текста.

"Русские" — примитивны, пошло-сентиментальны и близки к деревне. В "документальном фильме" нет ни одного концертного пианиста или другого исполнителя более утонченной музыки, чем "На сопках Манчжурии", ни одного балетного танцора, ни одного ученого ни в одной области, ни одного изобретателя или шахматиста.

У племени под названием "русские" таковых нет. Ни один "русский" в документальном фильме не выполняет никакой престижной работы ни самостоятельно, ни в составе какого-либо американского университета, правительства, клиники, промышленной фирмы или какого-либо другого американского престижного института или лица.

В Соединенных Штатах живет в изгнании (или в послании) целая фаланга борцов за свободу России, подвижников и страсто-терпцев. В "документальном фильме" о них нет и ни слова.

У "русских" в убогом расистском воображении Офры Бикел и Службы общественного телевидения, не может быть серьезных музыкантов, ученых, врачей, как не может быть героев, политических мыслителей или общественных деятелей.

"Документальный фильм" и не намекает на то, что эмигранты, вместе со своими предпринимателями, домовладельцами, врачами, магазинами, услугами принесли жизнь, цивилизованный порядок и благополучие тем районам, где раньше царили запустение и преступность. Средний доход эмиграции третьей волны уже выше среднего дохода американцев в целом, а средние оценки их детей в школах и университетах намного выше средних оценок американских детей в целом. Удивительно ли это? Нет. Эмиграция из России после 1917 года шла за счет самых одаренных и предприимчивых.

Состав эмиграции — по существу, элита России, а следовательно, и Америки.

Офра Бикел желает представить эту элиту как сборище тупиц, деревенских увальней или цыган прошлого века.

ЧЕРТЫ РУССКИХ

У "русских" Офры Бикел — десять "русских" черт:

1. Материализм нищих дикарей. Хотя эти "русские" — нищие и останутся таковыми (ни один "русский" в фильме не показан владельцем действительно ценного дома, конторы, завода, лаборатории или другого подобного имущества), они с жадностью дикарей примеряют норковые шубы (вспомним, что норковая шуба — символ вульгарного небогатого мещанства среди американской интеллигенции). Они обжираются, пьют и смотрят порнографические фильмы.

2. Деревенский идиотизм. Они даже не понимают, что существуют грабители: видимо, в России грабителей нет.

3. Склонность к преступности. Они боятся полиции, подделывают документы, ищут во всем подпольные, незаконные, преступные пути.

4. Умственная отсталость. Они примитивны, говорят на ужасном английском языке (по сравнению с которым английский Офры Бикел сильно выигрывает), не могут связно думать или выражать свои мысли, и когда их просят объяснить, как они понимают слово "свобода", они экают, мекают, мнутя, молчат.

5. Неприятие свободы, страх перед ней. При любом соприкосновении со свободой, они "испуганы и растеряны".

6. Ханжество. "В семнадцать лет моя дочь знает все о половой любви". Фраза, которая должна вызвать хохот и у русской интеллигенции, ибо и в Москве девушки моего поколения в семнадцать лет "знали все о половой любви".

7. Отвращение к предпринимательству и предприимчивости. "Я люблю (деловой) риск не больше, чем я люблю КГБ", — говорят они.

8. Отвращение к независимости. Они не выносят независимости: "именно по своей зависимости от (Коммунистической) Партии они теперь скучают".

9. Примитивная сентиментальность. Они слушают песенку из старого советского фильма, настолько слащавую, что у последнего пошляка должно было бы свести скулы от приторности, а они упоены. Если они играют на рояле (разумеется, любительски), то это непременно "Сентиментальный вальс". Они слащаво говорят

о дружбе, предаются все время чувствам, открывают свою душу.

10. Нетерпимость.

Общественное телевидение предназначено для американской интеллигенции. Все черты "русских" Офры Бикел должны вызвать у них омерзение, но особенно омерзительна для интеллигенции стран английского языка черта №9, известная как слащавость: это для нее худший вид пошлости.

ДЕСЯТЬ "РУССКИХ" ТИПОВ

Офра Бикел показывает десять типов "русских", один другого отвратительнее, ничтожнее и уродливее.

1. Эмигранты, ненавидящие эмигрантов. В каждой социальной группе есть ненавистники этой группы (например, есть евреи-анти-семиты). Точно так же есть эмигранты, основным занятием которых является доказывание, что все эмигранты — невежды, тупицы, сумасшедшие и преступники, кроме, конечно, их самих, эмигрантов, доказывающих это и потому как бы исключенных из выводимого ими общего правила. Их вера проста: советская система уродлива, а следовательно, и все, проживавшие в ней, стали уродами ("Бытие определяет сознание"). К счастью для человечества, они сами, ненавидящие эмигрантов эмигранты, уродами не стали, а совсем наоборот.

Для Офры Бикел эти откопанные ею ненавидящие эмигрантов эмигранты — сущая находка.

2. Журналисты, пишущие на русском языке (как же "русский" может писать на английском?) и объясняющие, что в России "они знали, что думать", и "мне было очень спокойно", а теперь "никто не говорит, что мне думать" и "это интересно, это нормально, но мне не очень спокойно".

Не следует считать, что "русский" (Сергей Довлатов), говорящий это у Офры Бикел, хотел сказать именно это. Из нескольких часов интервью на видеопленке Офра Бикел выбирает двадцать секунд таким образом, что "русский" предстает в том виде, в каком его желает представить Офра Бикел, и говорит, если нужно, противоположное тому, что он хотел сказать.

3. Комичные предприниматели. Представлены двое. Один комичный предприниматель — гид, показывающий "русским" Нью-Йорк. Каждый американский предприниматель понимает, что этот "бизнес" — комичен. Новой эмиграции нет, а сколько можно показывать Нью-Йорк старой? Ведь при каждой крупной синагоге устраиваются экскурсии. Кому нужно коммерческое бюро? Кроме того, комичная "русская" предпринимательница комично

много и без толку говорит. Другой комичный предприниматель — странный брокер-любитель (как мне стало известно, его якобы разыскивает полиция).

Разумеется, клиенты обоих предпринимателей — "русские". Как можно представить себе русского предпринимателя, обслуживающего американцев? Да и никто, посмотрев этот фильм, быть их клиентом не согласится.

4. Безработные инженеры (и медсестры). Я знаю бывших советских инженеров, которые отклонили самые заманчивые предложения ведущих американских фирм потому, что эти инженеры были предпринимателями, а один из них — научным редактором радиостанции "Свобода". Офра Бикел показывает только безработного инженера и только безработную медсестру. Уж если показывать инженера (и медсестру), то безработных! Впрочем, откопать самого безработного инженера (и медсестру) ей не удалось, и телезрители должны узнать о них понаслышке, со слов их родственников.

5. "Интеллектуальные люди". Так они названы неким господином, который уверяет, что в подсоветской России он был "боссом" (это, по его представлению, и есть "интеллектуальный человек"), а в Америке он не "босс". Какой ужас! Может быть, Офра Бикел заодно прольет слезу и над всеми партийными секретарями, полковниками КГБ, генералами советской армии и другими "боссами", потерявшими возможность ими быть в Нью-Йорке или Филадельфии?

6. Пошляки, читающие пошлейшие слащавые стихи фальшивыми голосами по радио.

7. Советские маньяки, которые проводят жизнь, смотря "старые русские кинокартины" (читай: "пошлейшую слащавую советскую кинопропаганду") "снова и снова".

8. Безработные, никому не нужные философы не у дел, жалующиеся на "эмоциональную холодность американцев".

В этой роли Офра Бикел использовала действительно существующего философа (Наклеушева), вытащив из нескольких часов его рассуждений фразу, которая должна была подчеркнуть сентиментальность "русских" и восстановить против "русских" американцев, огульно и поголовно обвиненных в эмоциональной холодности.

9. Прозаики, существующие на пособие и скучающие по КГБ.

10. Поэты, хлещущие водку, даже когда они лежат в постели.

Последние два типа "русских" стоят отдельного примечания, чтобы показать, как Офра Бикел превратила живых людей в типажи своего расистского водевиля.

”Звезда”, которую Офра Бикел откопала для этой роли — Лев Халиф.

Лев Халиф не может опубликовать своих книг на английском языке. Но что же здесь ”русского” или ”эмигрантского”? Тысячи американцев, считающихся профессиональными писателями, не могут опубликовать своих книг или продать их. Причины? Они многочисленны и разнообразны, как сама жизнь. Офра Бикел вытащила на свет телевизионной студии Халифа, чтобы пролить слезу над ”русскими”, и в то же время показать, как они ничтожны, не могут жить в условиях Америки и созданы лишь для ”системы” России. Смотрите на этого жалкого ”русского”! Он даже не может опубликовать своих книг по-английски! Где ж это видано, чтобы писатель не мог даже книг своих опубликовать и продать!

Обладая Офра Бикел хотя бы чувством юмора, она бы представила Халифа таким образом: ”Г-н Халиф любит парадоксы, как любил их Бернард Шоу или Оскар Уайльд. Столь остроумны ли парадоксы Льва Халифа? Судите сами. Вот один из них: ”В России писателя убивает КГБ, на Западе — безразличие”.

Вместо этого Халиф сказал (варьируя высказывание Мандельштама полстолетия назад), что в России, по крайней мере, не было безразличия, его преследовали за его книги, его книги читали работники КГБ, чтобы найти в них ересь и крамолу, и ”получается, я тоскую по КГБ!” А переводчик перевел монотонным голосом: ”Я действительно скучаю по КГБ”, что по-русски также обозначает: ”Мне действительно не хватает КГБ”.

Если бы Офра Бикел смогла заполучить для своего ”документального фильма” Бернарда Шоу или Оскара Уайльда, они превратились бы у нее на экране в двух бруклинских сумасшедших.

ХЛЕЩУЩИЕ ВОДКУ ПОЭТЫ

В качестве представителей русскоязычных поэтов в эмиграции Офра Бикел выбрала Константина Кузьминского. Это оказался ее самый удачный выбор во всем ”документальном” фильме. Никто не вызвал больше ненависти среди телезрителей к ”русским”, чем тот ”образ”, в который она превратила талантливого, бескорыстного и доброго Кузьминского. Она создала поистине расистский шедевр.

Забавно, что около двух лет назад газета ”Нью-Йорк Таймс” опубликовала огромную статью о русской литературе, в которой поэт-эмигрант Бродский и был по существу объявлен всей русской

литературой. Я разнес статью: особенно я был возмущен тем, что Кузьминский, этот собиратель поэзии, который еще в России помог Бродскому опубликовать его стихи за границей, не был даже в статье упомянут.

Теперь у Офры Бикел все как раз наоборот. Бродский ей меньше всего нужен: на гребне статьи в "Нью-Йорк Таймс" он стал одним из самых преуспевающих поэтов в Америке. А Офра Бикел избегает, как чумы, любого проявления богатства или успеха среди эмигрантов. Наоборот, Кузьминский, нищий, непреуспевающий и презирающий успех, подошел ей в самый раз.

В смысле понимания русской литературы и умения писать о ней, у Кузьминского мало равных ему в России или вне ее. Его презрение в литературе к успеху, деньгам, званиям, премиям, или чему угодно, кроме литературы, составляет также его редкую, драгоценную и привлекательную черту.

Но как у всякого смертного, у Кузьминского есть слабости. Одна из них — его выставление напоказ богомности. Самое грустное — это его непонимание, что его богомность, оригинальная и опасная в России, представляет собой на Западе, то, что называется "панк" и чем занимаются миллионы подростков ни к чему другому не способных. "Панк" — это, скажем, раздеться в обществе догола, или выкрасить одну часть бороды в зеленый, а другую — в красный.

"Панк" и оказался драгоценной находкой для Офры Бикел: ведь она смогла представить "панк" как сущность "русских".

Если бы Офра Бикел попросила Кузьминского раздеться и станцевать голым вальс "На сопках Манчжурии" со своей собакой, то Кузьминский, возможно, устроил бы этот "панк" охотно, а Джессика Савич объявила бы своим дикторским жизнерадостным голосом, что именно таковы "русские".

На самом деле у Офры Бикел вышло даже удачнее. Американские телезрители заключили, что подвал Кузьминского — это бордель, который "русские" содержат за счет пособия. Ненависть достигла высшей точки: "русские приехали сюда получать велфэйр и содержать на него бордели!".

БЕСПРОСВЕТНЫЙ МРАК

На всем протяжении фильма не показано ни у одного "русского" ни одного проблеска ума, таланта или хотя бы юмора. Почти нет молодости и красоты, никто не высказывает благодарности или надежд. Все подобранные Офрой Бикел мерзко и глупо брюзжат, требуют, несут чушь на ломаном английском языке, скучают по КГБ, едят, пьют и пляшут. "Русские", подобранные и препарирован-

ные Офрой Бикел, производят впечатление бледных уродливых растений, выросших без тепла и света, щелевых грибов-поганок, уэллсовских подземных морлоков, человеческих отбросов на свалке истории или глубоководных рыб, выброшенных из своего родного океана — советского режима — и разрываемых собственным тщеславием и глупостью.

О том, как тщательно отбирались и препарировались "русские", свидетельствует такой штрих. Офра Бикел затратила много часов (в частности, за счет налогоплательщиков) на съемку искусствоведа Тетрятникова, скульптора Неизвестного или вашего покорного слуги. Но вся эта пленка была выброшена до последнего вершка. Выброшенные таким образом средства не имеют значения! Ибо и один вершок мог нарушить беспросветный мрак "документального фильма".

"Документальный фильм" приводит телезрителей к заключению, что "русские" не оставили бы советский режим, знай они, что Америка не годится для них, а они для Америки. "Русские" уехали бы обратно к "русским", к КГБ, по которому они скучают, к старой слащавой кинопропаганде, которую они смотрят "снова и снова", но, как трезво сообщила Джессика Савич, у них "билет только в одном направлении", а "пути назад нет", и поэтому эти "русские" — в исторической ловушке, на чужбине, в незнакомой, ненавистой и непонятной стране, где им остается только скучать по КГБ, глушить водку даже в постели, играть "Коробейников" на улице и содержать бордели на пособие.

В качестве проповеди расистской или классовой ненависти "документальный фильм" под названием "Русские уже здесь" можно, как видно из вышесказанного, поставить в один ряд с "Протоколами сионских мудрецов" или рассуждениями о "буржуях" в "Правде" после ленинского переворота. Нам скажут: "Но поможет ли подобная стряпня, настолько бездарная и глупая, оказывать влияние на американцев и жителей других стран, если фильм будет показан и по всему миру?" Дело, однако, в том, что бездарность и глупость самого фильма как бы сливается с бездарностью и глупостью той зловещей расистской карикатуры на "русских", которую вывела Офра Бикел. Общее впечатление беспросветной, давящей, мрачной бездарности и глупости фильма как бы переносится на его действующих лиц, "русских". Во-вторых, бездарность и глупость — часто сильные стороны проповеди расовой ненависти, рассчитанной на самых бездарных и глупых.

Интересно, что у этой расовой пропаганды есть еще один политический угол. Посмотрев этот фильм, представитель американской интеллигенции скажет: "Правильно говорят, что все эти страхи по

поводу советской глобальной экспансии нагнетаются Рейганом, Пентагоном и промышленниками, производящими вооружение. Да посмотрите же на этих русских! Разве эти ископаемые человеческие каракатицы, эти бездарности и тупицы, эти безвольные болтуны — могут нам угрожать? Да среди них нет ни одного ученого, ни одного порядочного инженера, ни одного врача! Они ничего не знают и ничего не умеют, кроме как есть, пить, плясать и нести околесицу!”

Я вынужден признать, что я не могу представить себе более эффективную пропаганду, которую КГБ мог бы создать для того, чтобы остановить и повернуть вспять влияние эмиграции из России, ее успех и значение. Эмиграция физически прекращена. Теперь надо нейтрализовать тех, кто успел эмигрировать. Что же может быть более эффективным, чем этот фильм? И как отметили несколько эмигрантов, не сговариваясь между собой и не зная друг друга: “Уберите еду и пару норковых шуб — и московскому телевидению не придумать лучшей пропаганды для того, чтобы успокоить и свое собственное население. Вот вам, дескать, Америка. А вот и вы в Америке. А некоторые из вас еще недовольны нашим строем. Уедете, скучать будете — да, даже и по КГБ, но будет поздно!”

Лев Наврозов

Перевод с английского

(“Новая Газета”)

июль 2–8 1983

СЕРАЯ ПЕРЕДАЧА НА ЦВЕТНОМ ЭКРАНЕ

За последние дни в русскоязычной прессе опубликовано столько писем и статей о передаче “Русские здесь”, что мне казалось — все уже сказано и написано, ничего не прибавишь. Побудили же меня взяться за перо высказывания не бывших эмигрантов, а моих сослуживцев и людей, приходящих в наше учреждение. Так называемых “простых американцев”. После воскресного повтора этого шедевра мне задавали вопросы, от которых становилось тошно и грустно.

К самым безобидным относятся: “А ты сколько водки можешь выпить зараз?” или “Это что, показали новую русскую секту? Все лежат на полу и пьют. Это что-то вроде группового секса?” Но были и другие: “Выходит, в России не так уж плохо вам было? Зачем вы уехали?”. “Никакого антисемитизма там нет. Никто о нем не говорил. А ведь когда вы сюда приехали, вы только о нем и твердили. Зачем? Только для того, чтобы получить статус беженцев?”, “Русским не стыдно просить у американцев фудстемпы и медикейд, а самим пить водку и гулять в ресторанах?”...

И только одна мне сказала: "Если б я не знала тех, кто приехал из Советского Союза, и не знала, как им трудно здесь приходится, то после этой передачи решила бы, что эти пьяницы-беженцы приехали сюда пить и жрать. Расплачиваются фудстемпами из карманов налогоплательщиков и в благодарность поносят Америку. Мой муж сказал: "Что за мерзкая передача!"

Последнее время "третья волна" не может пожаловаться на отсутствие внимания со стороны американской прессы. Не успели мы прийти в себя от откровений лос-анжелесской газеты, которая нас всех, "чохом" зачислила в мафию и в число платных агентов КГБ, как филадельфийская тоже нашла что сказать об "этих русских", которые грабят, убивают и торгуют наркотиками.

Не осталось в стороне, как мы теперь убедились, и телевидение. Журналисты 13-го канала тоже решили порезвиться по ставшему модным поводу. Чтобы не повторяться, они взяли за основу своего репортажа несколько иной аспект этой пикантной темы: они, мол, говорят, что приехали сюда в поисках свободы, ну, что ж, научим их свободу любить!"

Все, с кем встречались тележурналисты, должны были ответить на сакраментальный вопрос: "Как вы относитесь к американской свободе?" Похоже, что у всех отвечавших на него, есть свои сче-ты с американской свободой. Поэтому цветная передача превратилась в черно-серую и все, кто появлялся на экране, выглядели серенькими, незначительными, примитивными, а то и просто монстрами. Не побрезговали авторы поинтересоваться даже мнением о свободе человека, которым интересуются следственные органы.

Спору нет, каждый талантливый журналист имеет право на неудачу. Но этим правом надо пользоваться в допустимых размерах. Могло ли получиться что-либо путное из репортажа, если основной посылкой авторов является вопрос: что обрели здесь люди, уехавшие из СССР, где они имели секьюрити (нарочно не перевожу, в английском языке оно передает гораздо более емкое понятие, чем "безопасность"), бесплатное образование и медицинское обслуживание? Компенсирует ли пресловутая американская свобода все эти блага, в наличии которых авторы, по всему виду, ни на минуту не сомневаются? Естественно, что люди, покинувшие родину, предоставившую им все это, не могут вызвать симпатию у прогрессивных журналистов. Поэтому они из всех эмигрантов отобрали в качестве собеседников только людей не удовлетворенных жизнью в Америке, имеющих к ней бесконечные, ничем не оправданные претензии. И вот на экране разглагольствуют о дружбе, настоящей на водке, произносят косноязычные сентенции об излишествах в свободе. Щедрой рукой отпускается телевизионное время опустившимся писателям.

Неужели, слушая ахинею, которую нес Лев Халиф, они не пожалели его простой человеческой жалостью? И зачем было держать все время в кадре его сына?

Объектив телекамеры назойливо возвращается к пьянке в квартире Кузьминского, где на полу валяются представители обоего пола. Все в лучших традициях "богема для бедных". А душевный стриптиз поэта вызывает брезгливость. Единственным здравомыслящим существом в этом эпизоде мне лично показалась собака, на морде которой так и написано: "Ну и набрались вы, сестрички и братишки!"

Вообще в передаче почти все пьют или говорят о водке. И еще философствуют на мелком месте, как, например, г-н Наклеушев. "В России все связаны, а здесь разобщены", — утверждает он. А я вспомнила свою соседку по лестничной клетке, которая всегда открывала свою дверь, когда звонили в мою. Похоже, она спала и ела прямо у порога. Я все время чувствовала связь с ней, а также ее связь с кем-то...

Не буду перечислять тех, чьими ответами на вопросы тележурналистов можно было бы заинтересоваться. Я имею в виду не знаменитых и преуспевающих, а скромных людей, которые совершили, можно не бояться громкого слова, подвиг, чтобы найти свое место под солнцем Америки. Они живут и работают рядом с нами. Их успехи не отмечены на конкурсах и в газетах. Их дети учатся в лучших колледжах страны, старики ездят на курсы английского языка. Они не посчитали для себя зазорным сменить профессии и не захотели встать в позу непризнанных гениев и обиженных судьбой бывших "студенческих боссов".

Но им организаторы передачи не предоставили возможность высказать свое мнение об Америке, о том, как им здесь помогли. Естественно, возникает вопрос: "Почему?". Ответить на него я попросила сотрудника НАЙАНЫ господина Гандельмана. Ниже привожу дословно наш разговор.

— Обратились ли авторы телепередачи к вам, в организацию, где хорошо знают людей, приехавших из Советского Союза?

— Да. Съёмочная бригада провела у нас несколько дней.

— Посоветовали ли вы им, с кем встретиться, кто может быть им интересен?

— Мы не только назвали имена, но и предоставили возможность для встреч у нас, на Парк авеню, и в школах, где проходят английские курсы и в других организациях. Были проведены интервью, которые засняты на видеопленку. Ни одно из них в радиопередачу не вошло.

- Почему?
- Интервью были слишком позитивные. А им нужен был негативный материал. Иначе не получилось бы сенсации.
- Как же тележурналисты встретились с теми, кто участвует в телепередаче?
- Не знаю. Наверное, бродили по Брайтон Бич.
- Что собирается теперь предпринять НАЙАНа?
- В ближайшие дни мы должны встретиться с администрацией телестанции. И если не получим удовлетворительного ответа, будем писать в газеты.
- Что вы понимаете под удовлетворительным ответом?
- Возможность сделать другую передачу, правдивую и честную.

Регина Немчикова
(*"Новое Русское Слово"*)
29 июня 1983 г.

АНТИАМЕРИКАНСКИЙ ФИЛЬМ О РУССКИХ АМЕРИКАНЦАХ

13 июня по 13-й программе нью-йоркского телевидения показали только что приготовленный фильм о советских эмигрантах в Америке. Фильм называется "Русские здесь". Программа телевидения: "народно-образовательная".

"Русские" показаны как люди, недовольные американской жизнью. Они жалуются, ругают вслух, вплоть до сентенции: "Знали бы заранее об американской жизни, так не приехали бы".

Телевидение выследило, чем эти недовольные в Америке занимаются. Во всей красе показан "моральный облик" эмигрантов: пьют водку стаканами, пьяные валяются перед телекамерой с тарелкой на пузе. Сделан намек и на то, на чьи деньги пьют. Показали, как писатель эмигрант платит в магазине фудстемпами, то есть ест и пьет не на заработанные, а на даром доставшиеся ему американские народные денежки.

Действие фильма на зрителей очевидное: каждый нормальный, здоровый американский трудящийся должен "сжать кулаки", "схватиться за кольт", "нажать на газ", минимум — "сплюнуть с отвращением" от лицемерия этих неблагодарных и опустившихся полужуликов-полубездельников-полушпионов.

Таков результат действия фильма "Русские здесь". Но каждый взрослый человек понимает: за сорок минут нельзя успеть рассказать о всех делах стотысячной русской эмиграции в Америке. Следовательно, отвратительный результат есть следствие осознанного отбора материала и комментариев к нему. Продюсер Офра Бикел,

ведущая Джессика Савич и их русский помощник Виктор Норд отобрали для показа американской публике только отрицательных персонажей и только тех, кто согласился "сотрудничать" с идеями авторов фильма.

Конечно, свобода творчества — есть и свобода выбора материалов. Это и свобода любых комментариев и даже свобода провоцировать любого "подследственного" эмигранта на какое-либо "полезное" продюсеру высказывание. Это свобода фиксировать случайное и "разворачивать" его кинотрюками до всеобщего. Это свобода, наконец, ненавидеть представителей любой национальности.

Такова свобода при изготовлении фильма. Но потом — и это тоже очевидно — наступает время для свободы выбора и ограничения. Во-первых, у чиновников телевидения, принимавших решение показывать или не показывать. У самого автора-продюсера, у каждого участника. Тем более, что фильм шел по программе "народного обучения". Поэтому каждый причастный человек неизбежно мыслит категориями: "полезное или вредное", "объективное или фальсифицированное".

Печально, но факт: все чиновники, телевизионные "демократы" и "народные учителя" пришли к выводу, что именно такой фильм и нужен американской общественности для "раскрытия глаз", "для руководства к действию" или "прогресса" американской демократии. Такое решение основывалось, в первую очередь на их убежденности, что фильм абсолютно правдив и что именно таково истинное лицо приехавшей русской новой эмиграции.

То, что все киночиновники так подумали — их право.

Но и возражать, и думать наоборот — тоже право, гарантированное американской Конституцией. К тому же, у меня есть основания сомневаться в том, что по поводу дел русской эмиграции названные две журналистки с помощником обладают полной компетенцией. Более того, я не уверен, что вся эта кинообразовательная операция была произведена в согласии с принципами американской демократии.

Демократия — это не бумажные правила сосуществования личностей. Демократия — это прежде всего, проверка каждого своего поступка на соответствие с собственной совестью. Главное — уважение чужих чувств и чужой тоже совести. Это и есть Дух и Буква Конституции.

Вот и начнем проверку этого фильма по совести.

Так как первое условие демократии — все люди равны и в дурном и в хорошем, следовательно, нет и не может быть никакой "принципиально дурной" национальности. Иначе страна назовется фашистской, расистской и — нужно отменять американскую Конституцию.

Равенство всех групп населения предполагает, что люди — разные. Что нельзя по первому десятку представителей выносить окончательное суждение о ста тысячах. Иначе — опять фашизм, опять фальсификация для оправдания какой-либо идеологии насилия.

Фильм показывает около десятка специально отобранных экземпляров среди русской эмиграции. Эмигранты говорят только на темы и в интонациях спровоцированных — заказанных продюсером. Однако Джессика Савич делает вывод уже обо всех русских, приехавших в Америку. Даже такие громкие выводы, как "для русских свобода, правда значат не то же самое, что для нас", "русские — пришельцы из иного мира".

Не бояться ошибочно обидеть сотню тысяч людей — есть дефект совести.

Публично объявить группу людей "пришельцами", у которых нет "нашей святости", — это есть расизм.

Совість демократа, любящего человечество, — это и учитывание ошибок и трагедий истории. А история учит, что, если для "своих плохих" строятся тюрьмы с телевизорами и надеются на их исправление, то для "пришельцев", да еще и с "чуждой идеологией" строятся только концлагеря и Освенцимы. Или изгоняют из страны, не тратя времени на их "исправление".

Почему же у Офры Бикел и у Джессики Савич не хватило совести" продумать до конца все возможные последствия фильма "Русские здесь"? Или они как раз заранее все продумали? Фильм, вероятно, не случайно назван "Русские здесь". Это не иначе, как "Русские — вот они". Лови, подсматривай и делай "оргвыводы". Странно в условиях демократии и страшно, если вспомнить об исторических ассоциациях, звучит последнее слово-заключение Джессики Савич: "Многие из этих людей хотели бы вернуться обратно. Но хотим ли мы, американцы, этого?"

Внешне во фразе, кажется, ничего страшного. Но подумайте — она обращается к "своим" американским единоплеменникам с вопросом — что делать с этими пришельцами?

А разве может при демократии одна часть нации решать, что делать с другими жителями страны? К погромам — да, именно так и призывают. Но в демократической Америке, в конце двадцатого столетия? И по отношению к ста тысячам, многие из которых равны по своим конституционным правам и Офре Бикел, и Джессике Савич?..

Вот почему в заголовке моей статьи сказано — фильм антиамериканский. Ибо он разделяет американцев на две враждующие части населения. Призывает одну часть "решить судьбу" другой.

Кстати, зритель не мог не заметить, что инсинуации Джессики Савич основаны на фальсификации и провокации. Слова ведущей о желании эмигрантов — безосновательная ложь. Ведь ни один эмигрант в фильме не сказал слов — хочу вернуться в СССР. Все, что говорили некоторые — знал бы поточнее про американскую жизнь — может быть, и не поехал бы. В конце концов такое раздумье в свете новых фактов, вполне по-человечески — акт разумности.

Зачем, с какой целью Джессике Савич потребовалось фальсифицировать желания "русских, которые уже здесь" и которые возвращаться и не думают? Не знаю. Но на основе собственной фальсификации телевидение призывает "решить судьбу русских" — согласно "американскому народному желанию".

Возможно, Джессика Савич высказала свои пожелания лишь по недомыслию. Но мы-то после советского опыта — стреляные воробьи. Мы отлично знаем, к какому "прогрессу" общества приводят такие вот интеллигентные планы по "решению судьбы" людей, не спрашивая их мнения.

Вот почему я заявляю: этот антиамериканский фильм сделан антидемократами и антидемократическими методами.

Любопытен вопрос: почему два журналиста телевидения не побоялись выступить против принципов американской демократии? Почему не побоялись обвинения в расизме? Знали же, что в современной Америке их с работы выгонят, если начальство обнаружит, что журналисты фальсифицируют факты, чтобы дискредитировать какую-либо национальную группу в Америке.

Уверен, что эти же самые продюсеры никогда бы не сделали фильма "Итальянцы здесь" с показом для всеамериканского осмеяния пьяного, паразитирующего и критикующего "нацмена". А сделали бы — так, вероятно, с тех пор ходили бы по улицам, оглядываясь. Если бы, конечно, не взлетела на воздух сама телевизионная станция в первую же ночь демонстрации фильма, заканчивающегося призывом: "А хотим ли мы, американцы, чтобы пуэрториканцы все от нас уехали? Ибо у них другие понятия о свободе и правде".

Почему продюсеры телевидения почувствовали, что равенство при американской демократии не распространяется на русскую группу населения? Почему почувствовали безнаказанность в проявлении инстинкта "ударить лежачего"?

К сожалению, у русских эмигрантов по всему миру есть одна особенность: беззащитность.

Не будем прятаться от фактов: каждый "нормальный" американец психологически готов подозревать нас в предательстве. Потому что родились мы и выехали из страны — главного врага современной Америки. Ни разобраться ему в нас, ни проверить, ни дове-

рять полностью. Что-то вроде "пятого пункта" или "из вражеской территории" в советском паспорте.

У русских эмигрантов есть и "дипломатическая особенность". Любая страна в мире будет защищать своих единокровцев, куда бы они ни убежали и ни эмигрировали. Тронь американских греков — поднимется на демонстрацию вся Греция. Вплоть до выступления в ООН, до поджога посольств.

Для нас же, эмигрантов из СССР, все отрезано. Круглые сироты и даже стыдно вспоминать о месте рождения.

Там, где мы родились, — объявлены врагами своей родины. И официальная советская политика: чем вам в Америке будет хуже, тем нам, оставшимся, спится спокойнее.

Продюсер фильма четко почувствовал это особое положение русских. Вот и ходит после позорящего их фильма спокойно по улицам. Знает все-таки, что мы цивилизованные. Но знает, что и полностью беззащитные: нет ни родины-матери, ни добрых дядюшек.

Отсюда и смело режиссировать фильм на грани насильственности. Отсюда и сам выбор названия: подчеркнуть свою безнаказанность, выставив русских как "пришельцев" без роду, без племени. "Русские здесь" — значит, не там и не тут. Одинокие!

Отсутствие совести. Отсутствие уважения к ближнему.

Поэтому Офра Бикел и пошла на провокацию, обманывая приветливо встречавших ее русских эмигрантов. Она приходила в наши дома как человек, как родственная душа, имитируя, что совесть ее — нашего уровня. Ее принимали не так, как приняли бы хладнокровного следователя.

Ее приглашали в рестораны — присоединиться к нашему веселью. По душам разговаривали о том, о сем. Никто ее не боялся, думая, что она отнесется к нам по-человечески. Вот и хотели ей все эмигранты сделать что-то приятное. Даже отвечали на ее вопросы в ожидаемом ею направлении.

Не буду фантазировать о том, где я не присутствовал. Офра Бикел приходила и ко мне. Много раз. Сняли несколько сцен со мною всей группой телевидения.

С первой минуты нашего общения начались вопросы о моих "неприятностях". Только о трудностях мы и разговаривали. Для меня это был естественный акт вежливости. Тем более, что она спрашивала "с участием", с "обещанием помочь", — короче, я не сомневался поначалу в ее симпатии.

Стал я нервничать, когда наша дискуссия стала прерываться сразу же после окончания моих рассказов об эмигрантских трудностях. Об успехах и планах ей не доставало времени выслушать. Например, схватила мою фразу: "В СССР опасность и неприятности

ожидались всегда лишь с одной стороны, а в свободной Америке — со всех четырех сторон”.

Она хотела сделать эту мою фразу девизом моего появления на экране. Я же удивился, настаивал на том, что ”нужно обсудить”, ”надо серьезно подумать” — нельзя же так, без предупреждения ловить на слове. Мы же оба взрослые люди, и не на Страшном суде или на школьном экзамене. Нет, не нашлось у нее времени — сочла мою фразу для ее целей исчерпывающей. Тогда-то я и стал нервничать. Перед приездом кинотехников, перед съемками час стоял перед зеркалом, проверяя, застегнута ли ширинка и все ли пуговицы на месте. Ночью снилось: показывают крупным планом или дырку в штанах или как я ем мороженое грязными пальцами.

Перед камерами московского телевидения так не нервничал — уверен был, что не будет провокации. Там всегда долго репетируют, учитывая и их, и мое мнение. Здесь, как перед следователем, я чувствовал свое полное ничтожество. Тем более, что Офра Бикел меня уговаривала, что ”для эффекта” нужно плакаться перед зрителем. Даже сулила пряники: дескать, только несчастенькие и вызовут сочувствие у американских фермеров. Увидишь, говорила мне, сколько писем получит телестанция с выражением сочувствия.

Я боялся, но все-таки выступал перед телекамерами. Все-таки верил в продюсерскую честность, в ее к эмигрантам симпатии. Впоследствии мне сказали, что я не выдержал экзамена — не смог красноречиво плакаться. А улыбающиеся Офре Бикел не нужны были — в соответствии с ее планами.

Приглашал я Офру и в ресторан, и ухаживал, как за понравившейся привлекательной женщиной. Осмелился на прощанье поцеловать и вообще — чувствовал себя превосходно в приятной компании.

Сегодня, просмотрев фильм, краснею. Увидев, к чему клонится фильм, со страхом ждал, что и меня могут показать в этой компании. Но самым постыдным было для меня сознание, что я обманулся. Я-то воображал, что ”произвожу на девушку впечатление”, а она была, оказывается, ”на посту”, ”начеку” — только переодетая в штатское. Я что-то ей там щебетал, а ее компания все ждала, не проговорюсь ли я про что-то для нее интересное.

Уверен, что и другие эмигранты приглашали Офру Бикел в ресторан, на домашние ”парти” — попить, посудачить, присоединиться к веселью. А в фильме для всей американской публики наши бывшие ”дорогие гости” отвечают нам такими комментариями: ”Для русских дружба — это водка”. И крупным планом — стакан, опрокидывание.

Наверно, и поэт Кузьминский ее приглашал на ”вечеринку”

богемную. Вот и лег при ней с тарелкой на животе — "по-домашнему". А приглашенный гость, обернувшись следователем-продюсером, поймал и обнародовал такие слова, по пьянке брошенные: "В России дружба есть дружба подонков".

Поэт и есть поэт — имеет право на выкомаривание. Но вот гость-то каков! Свой "бронепоезд" держит не на запасном! Хотя, вроде бы, и улыбается.

Нет слов, от многих "мыслей" эмигрантских с досадой содрогаясь. Но подумайте: разве не признак взрослости — болтать о том и о сем и сто раз передумывать? От настроения, от подпития, от компании. Но отчего Офре Бикел взбрело на ум, что выбранные ею же самой экземпляры — есть эмиграции лучшие и искренние представители? И почему выхватив ту или иную фразу, она не посчитала нужным спросить разрешение у говорившего на публикацию?

Видимо, с самого начала Офра Бикел относилась к "друзьям-эмигрантам", как к подследственным. Вот и не спрашивала разрешения, посчитав, что у них нет и права на опасение за собственное достоинство.

Это нормальная позиция и психология какой-либо европейской этнографической экспедиции в Африке. Те и фотографировали, не спросив, как "дикари" отправляют естественные потребности, как едят, как вокруг костра пляшут до изнеможения. Это только у лордов спрашивают, да у себя подобных, если из "приличного общества". А русских, которые оказались здесь, — лови их на слове, провоцируй, выслеживай. С сиротами можно и не церемониться. Вспомните, как в кинофильмах обращаются с инопланетными пришельцами: поймают и сразу делают анализы.

Обыкновенный расизм. Но не хамство — все повадки продюсера были, как у "человека из общества". Только не из эмигрантского.

Для Офры Бикел и ее помощников эмигранты — не люди разные, а одна масса копошащихся тел,двигающихся только в одном, общем направлении. Ответы — у одного за всех, ибо у них есть лишь инстинкт, но не осмысленное действие. По одному экземпляру в гербарии достаточно для информации и каталогизации. Вот и ограничились первыми же пойманными и на телевизионную провокацию, как на булавку наколотыми. Эмигрантикус русскикус — остальные точно из того же класса, как и первый засушенный. Без большой разницы.

Теперь поговорим об "актерах" — эмигрантах, согласившихся с тележурналистами сотрудничать. Посмотрите внимательно на них. Чем они занимаются?

Удивительно, что на фоне болтовни, на фоне умных или безум-

ных высказываний ведь не нашли телевизионщики ни одного экземпляра, которого смогли бы поймать на "поступке антиобщественном".

Все как один — работают, трудятся, делают хоть что-то полезное. Даже писатель, что живет на фудстемпы, — и тот ведь не пускает на ветер даденные ему денежки. Пишет романы с утра до вечера. Хорошие или нет, но ведь пишет — не бегаёт по улицам с ножом, не стреляет в президентов, не загрязняет улицы.

Почему же не найдя, не выследив, не зацепив ни одного эмигранта на факте доказанной вредоносности Джессика Савич спокойно, с отработанной улыбочкой заявляет своим американским слушателям: "Этим русским нелегко учиться новой американской ментальности, коль они рождены в чужой советской системе". Как будто она не знает, что нормальные люди любой нации могут и пить, и лежать на полу, и даже жить на фудстемпы, но все-таки заниматься творчеством.

Подчеркивание "чуждой Америке" русской ментальности мы видим только в позиции продюсера, скомпоновавшего материал с этой целью. Видим в словах комментатора. Но нет ничего конкретного в эмигрантских действиях.

Пришлось авторам фильма пойти на подлог. Помните, показывают — эмигрантские люди едут по Манхэттену в туристическом автобусе. Ну что в этой поездке от "русской дикости" или какой-то такой "антиамериканизм"? Мало ли туристов, миллионы ездят по любому мировому городу. Но вот зоркий прицел продюсера даже здесь увидел и представил Америке эту поездку как "вражеское наступление". Джессика Савич говорит при показе поездки в автобусе: "Эти русские настолько не авантюры, что даже по Манхэттену ездят только группой с русскими экскурсоводами".

А как вели себя эмигранты? Посмотрите на них: они совсем ничего не стесняются. Не боятся критиковать других и себя. Разве так себя ведут "пришельцы", "в чужом монастыре" и "рабы, только что освобожденные"?

Даже эмигрант-поэт лег себе на пол в присутствии всей телевизионной этнографической экспедиции. А ведь как "чужой придя к чужим", - должен был бы встать, или на корточки, или навытяжку.

В гостях так себя не ведут. Так не просят подаяния. Так не встречают телевизионщиков, пришедших как благодетели.

Мне кажется, что именно во взаимоотношениях "актеров" и авторов лежит ответ — почему фильм получился такой, а не другой.

Не сомневаюсь, что продюсер пришел к эмигрантам с целью помощи. Как к несчастным. А увидел и был шокирован, что

большинство ничего не просит. Наоборот, критикует и не скрывает своего положения — удачного или расстроенного.

Жаль только, что пришел, видимо, продюсер уже с окончательными готовыми идеями и мыслями. И о том, какой должна быть эмиграция, и о том, что ей для помощи требуется. Думала, сидят "русские" и греются вокруг костра американской демократии и не знают, что делать со своею свободой.

Вероятно, заранее были приготовлены и все "комментарии" — как в записной книжке заготовлены удачные выражения. Чем иначе объяснить, что вопреки эмигрантским лицам, показанным как улыбающиеся, Джессика Савич вещает: "Они, русские, узнали, что свобода есть ничего, кроме свободы". Или: "Мы дали им фудстемпс, но не понимание". Или: "Все, что мы можем сказать: добро пожаловать!"

Эти цитаты показывают, что, возможно, русских эмигрантов телевидение хотело просто использовать для иллюстрации и протаскивания своих собственных идей с критикой Америки. И заведомо думали, что русские как бывшие рабы — материал совершенно податливый и не имеет собственного мнения. К чему, например, были заготовлены сентенции типа: "Трудно русским менять свою ментальность на американскую"? Это какую такую ментальность? В чем ее особенности?

Если бы была у русских эмигрантов особенная, не американская, чисто рабская психология, то знаете, какой бы вышел фильм? Ужасающий!

Представьте себе, приходит американский продюсер и спрашивает: "Как живется, товарищи?". А в ответ дружный хор: "Спасибо президенту Рейгану! Спасибо Америке за питание! Слава американскому телевидению!"

Вот тогда и надо было бы учить "русских здесь" перековать свое "менталити". Так, вероятно, телевизионщики и планировали: доказать эмигрантам и Америке, что пора всем вместе "перековываться".

Но встретив эмигрантов и увидев, что они люди обыкновенные, все приготовленные планы пришлось смазать. Фильм получился без какого-либо "общественного содержания". Неумный. От неумности и результат — показанное учит Америку только ненависти.

Ненависть не была запланирована. Она получилась от того, что продюсер и другие телевизионщики были шокированы самостоятельностью эмигрантов. Вот и не знали, куда употребить материал собранный. Сам по себе фильм сполз содержанием на антирусскость, хотя очевидно, что делались попытки "русскими критиковать саму американскую действительность".

Неудача фильма отчасти объясняется тем, что самим продюсерам оказалось не по плечу бремя демократии. Известно, что в свободном обществе пресса, журналистика приобретают громадное значение. Говорят даже о "диктатуре прессы" над людским мнением. У бессердечных и недостаточно умных журналистов значение прессы вызывает что-то вроде "головокружения от успехов". Самоуверенность и некое желание властвовать. Или как минимум — командовать, учить, или провоцировать для интереса: "а что получится?"

В этом фильме об эмиграции два журналиста решили "решить" все мировые вопросы со своей точки зрения. Не подумавши о своей некомпетентности. Не боясь ошибиться — обидеть незаслуженно. Безответственность и прятание за спину телевизионной станции.

Любопытно, что и среди эмигрантов-"актеров" наиболее безответственными были не простые, "неученые", а те, кто пытался выдать себя за "вышестоящих" над эмиграцией. Тоже это были журналисты, назвавшие себя редакторами русской газеты. Они "помогали следствию" с позиций донощиков, стоявших в стороне от "эмигрантско-русской дикости".

"Простые" эмигранты говорили только о себе, не обобщая далее своей семьи. Русские газетчики о себе молчали — жаловались на читателей и говорили о читательско-русской дикости. Разыскиали и продемонстрировали телевидению "письма читателей", где сказано, что надо лесбиянок сжечь со всею ихней американской демократией.

Выделяя себя из эмиграции, спешили сообщить всей Америке, что "русские не пишут в газету статьи со своим мнением. А требуют закрытия газеты и тюремного заключения для редакторов". И удивительно, что таким диким "констатациям" верят американские журналисты. А можно ли доверять интеллекту и морали таких личностей, которые заявляют как само собой разумеющееся: "Для русских понятие дружба — это водка".

Стыдно смотреть на таких самозванных русских газетчиков-"дружбоводчиков" по нравственности.

Результатом самонадеянной деятельности телевизионщиков стал фильм про русскую эмиграцию как про группу людей без стыда и совести. Возможно, помимо воли создателей фильм получился расистским, с позиций махрового "мнения улицы".

В самом деле, с точки зрения интеллигента лежание поэта есть только одно из проявлений богемности. Но в контексте с другими сценами зритель видит перед собой акт "антиправительственный".

К сожалению, американская "улица" давно подозрительна к любой эмиграции. Но ведь это — улица! Так и сомкнулся интеллект с невежеством и кондовостью.

Признаюсь, разочарование в интеллекте продюсера есть мое

самое сильное потрясение. Думаю, что и других эмигрантов потрясло, насколько обманулись они в Офре Бикел или — были обмануты. Не случайно же в качестве почти положительных героев фильма был выбран, например, такой экземпляр эмигрантщины, что о себе заявил: из СССР не привез ни образования, ни профессии. Начал в Америке плотником, теперь людей консультирую, как распоряжаться накопленными, заработанными денежками.

Вот и "мотаает себе на ус" американский зритель — держать нужно подальше свои денежки от таких вот эмигрантских "свободных предпринимателей". Как известно, этот же бывший плотник уже брал у русских эмигрантов деньги якобы на русское телевидение. Денежки плакали. Но вот почему Офра Бикел именно такого человека выбрала для показа "русского стиля" бизнеса?

Уровень положительных и отрицательных примеров в кинофильме — унизителен. И для нас, эмигрантов, и для авторов, которые именно и только эти примеры и выбрали в качестве интересных. Даже в СССР давно отказались от такого дурного вкуса, именуемого "оголтелая пропаганда".

Фильм инкриминирует русским, что у них "неправильные" понятия о свободе и демократии. Не сомневаюсь, что именно словами о свободе и будут сегодня защищаться телевизионщики от обвинений в некомпетентности и предвзятости. Однако никто из эмигрантов не был против свободы как свободы.

Важно — кем и зачем используется свобода.

Совершенно случайно, два незнакомых с данным вопросом журналиста получили возможность и свободу обучить Америку через телевидение о "русских здесь". Случайно. Наспех. Не продумав. Без ответственности.

И вместо расширения свободы эмигрантов они приложили свои усилия, чтобы "русских здесь" еще больше ограничили. Подозрениями, недоброжелательством, даже ограничениями допуска в Америку. Телевидение почувствовало себя таким свободным от человеколюбия, что даже задало провокационный вопрос: "А хотим ли мы, чтобы эти русские от нас уехали?"

Перечитайте еще раз эту фразу — внимательно, по буквам. Ведь она значит ни что иное, как "Хотим ли мы, американцы, лишить русских нашей американской свободы?" Лишить свободы сто тысяч новых американцев — вот куда использовали телевизионную свободу два журналиста! И издевательски прибавили как "обоснование": — "У русских другие понятия о свободе и правде".

Эта фраза, как удар молнии, вмиг наполнила "теории" насильников, провоцировавших все геноциды истории. Гитлер точно такими же словами объяснял, почему "немцы должны хотеть"

освободиться от евреев. Только потому, что у "евреев-пришельцев" другие, не немецкие понятия о свободе и правде. Не райское, а еврейское "менталити". Помнится, в одной книжке антисемитской так и было сказано: "Для евреев свобода — есть свобода обманывать других".

Я не думаю, что авторы фильма "Русские здесь" были достаточно образованы, чтобы знать исторические параллели. Но, очевидно, что таких журналистов, свободных от совести, нельзя допускать к свободе информации.

Теперь — эпилог.

Кому такой фильм выгоден?

Забудем о КГБ на минуточку.

Если бы в фильме была чистая истина, то безусловно, Америке нужно и выгодно знать правду о мерзком лице вновь приехавших из СССР эмигрантов. Но — если в фильме только ложь? Тогда — зачем и с какой целью телевидение пошло на провокацию? Против ста тысяч американцев, против принципов демократии, против свободы и правды? Против честных людей? Против тех, кто сейчас еще в СССР и только мечтает об эмиграции?

Какими глазами американские телезрители будут после фильма смотреть на демонстрации в защиту Щаранского? Неужели: "Ага, хотят еще одного притащить сюда нахлебника и критика?" А манифестации и акции русских эмигрантов против тоталитаризма станут квалифицироваться как: "русские" здесь не работают, а в рабочее время мешают уличному движению". Такой результат неизбежен, если великое событие обсуждается и низводится на уровень "мнения улицы".

И последнее. Если у беглецов от коммунизма "неправильные понятия о свободе и правде", то у кого правильные? У коммунистов с двумя телевизионными журналистами?

Уверен, что такая "свобода мыслей", "свобода бесчеловечности" не выгодны Америке. Не выгодно Америке отказываться от ста тысяч русских эмигрантов и следующих. Работающих и не рабски мыслящих.

Кому же выгодно показать "русских здесь" в ложном свете?

Только тем, для кого понятия "свобода" и "правда" не значат то же самое, что для нас, для всех американцев. Выгодно это только для врагов Америки.

В. Тетерятников
(*"Новое Русское Слово"*)
2 июля 1983

AN OPEN LETTER TO THE PROGRAM DIRECTOR OF CHANNEL 13, WNET NY

Dear Ms. Konner:

The film "The Russians Are Here", aired twice on Channel 13, disturbed many Russian emigres, and also many Americans who are thoroughly familiar with the third wave of emigration from the USSR. This film suggests that almost all Russian emigres are either kooks, or citizens who have been so drugged by Soviet education that they are incapable of evaluating the merits of freedom and democracy.

Of course, you can say: "But what can we do if the Russian poet Lev Khalif says that in the USSR he felt like an individual, because they watched him, that is, at least the police organs paid attention to him, but that here no one needs him or his books, and he does not feel like an individual?".

Of course you can say that it is not an American, but the Russian writer Sergey Dovlatov who testifies that here it is difficult to be a journalist because one has to think, to search, to ponder over what to write and how to write it, while in the USSR everything is already formulated, everything one has to write is directed from above. Or, of course, you can note ironically that it is our own Russian poet, Konstantin Kuzminsky, who is sprawled half-drunk on a couch in embrace with a sober dog and a drunken friend, haughtily spouting nonsense, and not an American connoisseur of marijuana. You could, of course, go on and say that these are Russian Journalists — Vail and Genis — who are affirming that there is not political activism in Russia, and that only a vodka unities friends, forgetting about those things which all thinking American know, that is, the human rights movement, the struggle of the faithful for the right to believe in God, and the nationalist movements in the Baltic States, Russia, the Ukraine, Georgia, and Armenia.

And you would be right. But why did the creators of "The Russians Are Here" invite only Russian writers, journalists, and poets of the same ilk to participate: either the unsuccessful who are on welfare while deriding American democracy, or the envious and malicious, for whom public spectacle has become a second profession, or the habitual cynics?

I am not saying that such people ought not to participate in the film. But why not, for the sake of objectivity, show all strata of the Russian emigration and not just, I repeat, the spiteful failures? There

are Russian emigres living and working in New York, journalists, writers, poets, philosophers, ballet performers, and artists, for whom the words "honor" and "conscience" have not become hollow sounds, as they have for the majority of the representatives of the artistic intelligensia who appeared in the film, "The Russians Are Here". To some writers, poets, and artists, just as to some engineers, the first days of emigration are difficult: they work, some in bookstores, some as security guards, some as taxidivers, and pursue their own callings in their spare time.

Just like the unofficial artists and writers in the USSR, they operate elevators and work as mailmen; they find in themselves the strength for their creativity. There are many such people in the present emigration to the USA. Why were not notable Russian artists, poets, ballet performers, writers, chess players, and former Soviet engineers who have found themselves, who have achieved praise and recognition in the USA, not invited along with Dovlatov, Khalif, and Kuzminsky? Who found it necessary to make an offensive film about Russian emigres in general and about its artistic community in particular? Who found it necessary to repeat, for millions of Americans viewers, what the Soviet papers now write, today: emigrants in the capitalistic West go wanting? This is a lie! It is not for nothing, to be sure, that at the end of the film the host closes with the comment that if these people do not need freedom and democracy, then why did they come to America?

Ms. Konner! I have many friends among the Russian emigrants-artists, writers, journalists, and engineers. For many of them it is not easy, but this is natural — emigration is not an easy thing, but freedom and democracy are necessary to all of them, and they say this forthrightly and unambiguously in their public appearances and interviews, and in private. But, alas, the creators of "Russians Are Here" for some reason invited only those for whom democracy and freedom are hardships. And because of three or four similar people a distorted impression has been created about the entire present-day emigration from the USSR and about the Russian people in general.

Respectfully yours,
Alexander Glezer,
General Director
CASE Museum of Russian
Contemporary Art in Exile
and Chief Editor of the
Publishing House "Third Wave"
(*New York Tribune*)
July 2, 1983

PBS-TV drops racist bomb on emigres

On June 13 and for the first time in New York, the Public Broadcasting Service showed, on "Frontline" with Jessica Savitch, an alleged "documentary" breezily entitled "The Russians Are Here." The title, a stale joke repeated before in a similar context, indicates that the film is about recent arrivals from Russia in the United States.

Most of these 100,000 "Russians" are Jews, and those who are not are usually heroic fighters against the Soviet regime. To associate them with the "Russians" in the sense of Soviet invaders is not only a stale joke, but a bad one.

But is the title of the PBS "documentary" just a joke? Not at all.

The 'enemy'

"We think of them as an enemy," Jessica Savitch begins her narration. And flashed on the screen are the "Russians" — in the totalitarian regime of Russia. The recurrent theme is that the "Russians" who are "here" — that is, Jews who fled from anti-Semitic tyranny or heroic fighters against it — are mentally and psychologically the same as the Soviet KGB and the military.

Scenes of the goose-stepping Soviet military are flashed on the screen — and the narrator says about the "Russians" who are "here" that they are "children of another [that is, the goose-stepping Soviet KGB-military] system ... which made them what they are."

Naturally, the "children" of this "system" are not fit for the West and turn into drunks, public charges, derelicts and embittered cranks.

This does not mean that the producer of the "documentary" regards the Soviet regime as evil.

Quite the contrary, its many advantages — like “free medicine” — are extolled even in the narrator’s text.

True, at the beginning, the narrator says: “We know very little about them [the Russians in the regime and outside].” So one may ask: “Ladies and gentlemen of PBS, if you know very little about them, how the hell do you presume to know about their free medicine in Russia?” But such questions are impertinent. Those in charge “know very little” about the “Russians” and yet know everything. Here, then, is the omniscient message of the “documentary”:

Both the American and Soviet “system” have their good and evil aspects. “Children” of the Soviet “system” value its good aspects and are used to the evil ones, while in the West they feel lost and miserable because they resent the evil aspects of America and fail to understand its good ones, such as freedom. So the emigration of “Russians” from their “system” was a mistake, as is any attempt to deprive them of their “system” or try to change it.

From the message of the film, it follows, incidentally, that America shouldn’t worry about Soviet global expansionism. The “Russians” have created *their* Russian “system” in which they are happy, but this “system” cannot be imposed on the Americans, for the “Russians” are, mentally and psychologically, an entirely different race. Thus, the Bantu tribe cannot impose its tribal system on England.

Instant reaction

As soon as the showing of the “documentary” was over, I received telephone calls from several involuntary “stars” of the “documentary,” as well as from other victims of its racist hatred, such as Vladimir Bukovsky who had seen the program in California. The “stars” believed they had been taken advantage of. The indignation raged from coast to coast. The consensus was that the “documentary” was a crude racist concoction.

“If such a vicious slander were released about American blacks or those American Jews who came here from Russia before 1917, it would be branded, sued and removed as racist and anti-Semitic,” one of the callers, a Russian emigre artist, said. “But we are a tiny minority. So we can be stereotyped, caricatured and slandered with impunity as much as the Nazis stereotyped, caricatured and slandered Jews — or more, if some PBS hack wishes so. We are like blacks in America a half a century ago.”

Not quite. When blacks were denigrated as a group a half a century ago, they were not linked to any aggressive totalitarian superpower. The sinister racist overtone of the “documentary,” on the other hand, is that these Jews and fighters against the

Soviet regime who are in the United States, Europe or Israel do not differ mentally and psychologically from the "Russian" KGB and military in Poland, Cuba, Nicaragua, South Yemen or Afghanistan.

During WW II, President Roosevelt deported over 100,000 Americans of Japanese extraction. The racist propaganda of the PBS "documentary" is conducive not only to the loss of jobs by victims of this propaganda and the deterioration of their sociocultural status, but also to a possible future deportation of all Americans of Russian extraction. True, Jessica Savitch herself may even be deported, for her parents came, reportedly, from an "enemy country." But as the saying goes, those who sow a wind will reap a storm, and those who spread racist or class hatred may turn out to be its victims.

About the producer

As it turns out, I had a first-hand opportunity to meet with the producer of this "documentary," Ofra Bikel, since I was one of those emigres she interviewed and filmed for the program:

- Ofra Bikel, I found, is not an American and speaks English worse than many recent emigres from Russia. Nor does she speak any Russian.

- Her knowledge of Russia, the Soviet regime, its inmates or fugitives from it residing in America seems to be nil, and not just "very little," as the announcer's text says.

- She struck me as a person whose mental scope and educational background are below the average in the emigration from Russia.

- According to professional television producers among emigres from Russia, her "documentary" is inept, amateurish, poorly written and poorly filmed.

So why did PBS choose her, a totally irrelevant and poorly qualified amateur, to produce a documentary about emigres from Russia in America? Why didn't PBS choose a gifted, well-educated, competent emigre who is an American citizen, knows America *and* Russia, and speaks English *and* Russian?

Because the numerous Ofra Bikels have become a part of the media establishment. And they want to keep their jobs. To them emigres are a threat — more gifted, more intelligent and better qualified rivals. They want to represent these rivals as savages and derelicts, misfits of a racially different and inferior wild tribe, who are only able to drink, sing, dance and miss their beloved Soviet regime, including the KGB. Yes, this is what one "star" in the "documentary" proclaims: "I actually miss the KGB."

How can PBS (or any other institution or individual) employ such wild tribesmen who can only drink, sing, dance and miss the KGB? Never do *that*. Instead, always employ Ofra Bikel, a 100-percent American — gifted, intelligent, sophisticated.

Ofra Bikel struck the Russian emigres as being leftist, while she regards them as rightists. So what? Some people are more to the left, while others more to the right. However, Ofra Bikel regards her political views as standards of absolute truth, while those even a jot to the right of hers are wild aberrations of Russian savages. Here is a snippet from the “documentary”:

Emigre: Too much freedom [in America] for criminals, too much freedom for young people.

Interviewer: *Why* have you come here?

*To produce the
show, why did PBS
choose Ofra Bikel
— a poorly
qualified amateur
— and not a
gifted,
well-educated
competent emigre?*

From 60 to 80 percent of Americans believe that there is too much freedom in America for criminals and — in a different sense — for young people. For Ofra Bikel this is a wild aberration of a Russian savage: "Why have you come here?"

The emigre, who is by now an American citizen, could have asked Ofra Bikel: "Why have you come here?"

The fact that emigres from post-1917 Russia tend to support American views more to the right than those that Ofra Bikel supports accounts for another source of her hatred for the group.

Primitive rustics only

The emigres from post-1917 Russia have been providing a powerful cultural stimulus which we can clearly see in retrospect. If I were to choose the opening musical background for a documentary on the emigration from Russia, I would choose Rachmaninov's Fourth Piano Concerto (which he wrote in America), played by a recent Russian emigre to an American audience.

What did Ofra Bikel choose? A 1905 tune played on a village harmonica. Now, what do recent emigres from Russia, most of whom are urban Jews, have in common with village harmonicas playing 1905 tunes?

The 1905 tune on a village harmonica is followed by a 19th-century folk song which an emigre plays on the street on a kind of xylophone, reminiscent of American street-corner musicians. Jessica Savitch says to its tune: "... they [the "Russians"] have their own music ..."

Indeed, Rachmaninov's Fourth Piano Concerto would be absurd: the "Russians" composing or playing serious music! On the other hand, the "Russians" who have

"their own" primitive street music reinforce the impression of an alien primitive Eastern tribe, with "their" music, in contrast to the music of Ofra Bikel's Western and American sophisticated civilization.

Next comes a kind of singing and dancing clown who is "known to every Russian," the announcer proclaims. No "Russian" of my emigre milieu has ever heard of him. But what the "documentary" purports to show is that just as all Americans know world-famous musicians or writers, all "Russians" know *their* clown whom no outsider knows. The "Russians" live within their closed, self-contained tribe, alien, incomprehensible and unpleasant to outsiders.

Incidentally, this dance the clown dances is Jewish, which Ofra Bikel ought to know. But in her desire to represent Jews from Russia as aliens, savages and "Russians," Ofra Bikel even shows an international Jewish dance as "Russian."

What is not shown

Ofra Bikel stresses again and again that the "Russians" are primitive, rustic, corny. The "documentary" does not feature a single concert pianist or another serious musician, a single ballet dancer, a single scientist in any field, a single inventor or a single chessplayer. It does not show a single "Russian" doing any prestigious work or employed by a single university, a single government agency, a single hospital, a single engineering firm, or any other prestigious American institution.

Residing in the United States is a phalanx of fighters for freedom in Russia. The names of some of them are world-known. But none of them is as much as alluded to in the "documentary."

Intense religious life, both Judaic and Russian Orthodox, exists in certain segments of immigration. It is not as much as hinted at.

The "documentary" does not show that the emigres — served by their own thriving emigre businesses, some of which are better than competitive American businesses — have brought life, order and prosperity to several areas which had been urban wastelands haunted by criminals.

The median income of emigres is, already, higher than the average for America as a whole, while the average scholastic rating of their children is far higher than America's average. Is this surprising? No. After all, some of the most gifted, intelligent, enterprising inhabitants of Russia have been emigrating to America since 1917. They are far above the average in Russia and America. Ofra Bikel wants to see this elite as a bunch of primitive rustics, drunks, derelicts or social misfits — and this is what she shows.

Russian traits . . .

Ofra Bikel's "Russians" have the following "Russian" traits:

(1) Materialism. Though her "Russians" are paupers (not a single Russian is shown to own an expensive home, office, plant, laboratory or any other substantial property), they avidly try on mink coats, overeat, wallow in cheap vulgar "luxuries" and see X-rated movies dubbed in Russian.

(2) Rustic innocence. They don't understand there are burglars, and the purpose of safety chains on doors has to be explained to them. In rustic Russia, evidently, no burglars exist.

(3) Inclination to crime. They are afraid of the police, forge documents and seek illegal ways in everything.

(4) Mental underdevelopment. They are primitive, speak atrocious English (all worse than even Ofra Bikel), cannot think or speak coherently on any subject, and when asked to explain how they understand freedom, they just mumble and stammer.

(5) Unfitness for freedom. In the West they are "frightened and lost."

(6) Prudishness. "At 17 my daughter knows all there is to know about sex," they complain.

(7) Aversion to enterprise. They are not fit for business:

"I like [business] risks as much as I like the KGB," they groan. They are "not adventurous."

(8) Aversion to independence. They cannot stand independence: "It is their dependence on the [Communist] Party that they now miss."

(9) Primitive sentimentality. They are corny and maudlin, never intelligent or refined.

(10) Intolerance.

. . . plus 10 types

Ofra Bikel shows 10 types of "Russians":

1. Emigre-hating emigres. Just as every social group has its own haters (i.e., there are anti-Semitic Jews), there are emigre-hating emigres. They explain daily how hateful all emigres are as a group except them, emigre-hating emigres. Those emigre-hating emigres were a godsend for Ofra Bikel.

2. Russian-language journalists who explain that in Russia they knew "what to think" and "that was very comfortable," and here "no

one tells me what to think," and "it's . . . not very comfortable."

3. Comic businessmen trying to do some business for the Russians. Two examples are given: a garrulous young woman who is a one-woman tourist agency showing New York to the "Russians" and saying first by mistake "Washington Bridge" instead of "Manhattan Bridge," and then "Manhattan Beach." The other is a kind of broker who is now allegedly being sought by the police.

Both comical "businessmen" cater to "Russians." No "Russian" businessmen catering to Americans or constituting part of American business can even be imagined, according to Ofra Bikel. She considers as non-existent the thousands of "Russian" businesses which are now American businesses, often giving jobs to Americans and serving Americans.

4. Unemployed engineers (or medical nurses). I know many former Soviet engineers who have turned down lucrative engineering jobs because they have gone into business, and one of them is a science editor at Radio Liberty. Ofra Bikel dug up an unemployed engineer and a medical nurse, neither of whom is shown on the screen, but their woeful tales of unemployment are spun at length by relatives.

5. "Intellectual people," who are represented by someone who says he was a "boss" in Russia and who is not one here.

6. Vulgarians who recite atrocious poetry by radio.

7. Nostalgic maniacs who spend their lives watching "old Russian movies" [that is, old corny Soviet movies] "over and over."

8. Philosophers on welfare who complain of "the emotional coldness of Americans."

9. Writers on welfare who miss the KGB.

10. Poets who guzzle vodka even when lying down in bed.

It is the last two types who are worth special attention, to show how Ofra Bikel turned specific individuals into the puppets of her propaganda puppet show.

Missing the KGB

The "star" whom Ofra Bikel dug up for this role is author Lev Khalif. He cannot publish his books in English. So? Thousands of Americans who consider themselves professional writers cannot publish or sell their books either. Why? The reasons are many and varied, but whatever they are, what is so "Russian" or "Russian-emigre" about this?

Given at least some sense of humor, Ofra Bikel *could* have introduced Lev Khalif in this way: "Mr. Khalif loves paradoxes, just as Bernard Shaw or Oscar Wilde did. Whether his paradoxes are as witty as Shaw's or Wilde's is for you to judge. For example, here is one: 'In Russia the writer is destroyed by the KGB, in the West by indifference.' "

Instead — when Khalif said that in Russia at least the KGB avidly read his every word, and, "I sound as though I am nostalgic about the KGB" — Ofra Bikel's translator rendered it in an even monotone: "I actually miss the KGB."

Next, to personify the Russian-language poets in emigration, Ofra Bikel chose Konstantin Kuzminsky. The choice was her racist masterpiece. No one produced more hatred among TV viewers for the "Russians" than that "image" into which Ofra Bikel converted the highly gifted, selfless and kind Kuzminsky.

Curiously enough, about two years ago The New York Times carried a long, extensive article on Russian literature, in which the Russian emigre poet Joseph Brodsky was extolled at the expense of

all other Russian writers. I attacked the article. I was especially incensed that not a word was said about the poet Konstantin Kuzminsky, who had helped Brodsky to publish his poetry abroad. On the crest of The New York Times article, Brodsky became one of the richest poets in America.

But now the tables are turned. Whereas The New York Times was interested *only* in Brodsky and ignored Kuzminsky, Ofra Bikel ignores Brodsky, because she ignores *all* successful, rich or influential emigres, and is interested *only* in Kuzminsky, because she can exploit Kuzminsky's poverty, lack of success and "punk" eccentricities.

In his sense and knowledge of Russian literature and his ability to write about it, Kuzminsky has few rivals in Russia or outside of it. But like every mortal, he also has his weaknesses. One of them is trying to show off how bohemian and eccentric or "punk" he is. Ironically, he picked up this "punk" attitude from the American left, or at least nothing is more banal in the West than to grow a picturesque beard or guzzle vodka in front of a TV camera.

Of course, Ofra Bikel was not interested in the Russian genius of Kuzminsky — she was interested in his "punk" that could be found 10 or 20 years ago among sophomores of every American college. She converted that "punk" into her propaganda message: The "Russians" are a bearded vodka-guzzling race of Boris Godunovs and Grigory Rasputins, so totally different from Jessica Savitch and Ofra Bikel.

With the help of poor Kuzminsky's "punk," Ofra Bikel managed to bring the TV viewers' hatred for the "Russians" to the highest pitch. Ofra Bikel ought to know that sexual associations originate

in American minds quite readily under the influence of sex-charged mass culture. Therefore many viewers interpreted Kuzminsky's "punk" sexually and mistook his home for a brothel run on welfare: "The Russians have come here to run brothels on welfare!"

At the close of the "documentary," it is stated that the "Russians" would not have left Russia had they known they would not fit America and America would not fit them. They would go back to Russia if they could, but it is a "one-way ticket," there is "no going back," and so the "Russians" are trapped in an alien land and are destined to miss the KGB and all.

Throughout this film, not one "Russian" is shown to have a single spark of talent, intelligence or even humor. There is hardly any youth or beauty in those "Russians," and not a single emigre expresses his gratitude for what he has achieved, or his hope to achieve more in the future.

All the "Russians" handpicked by Ofra Bikel grumble and grouse, demand they know not what, blabber arrant nonsense in atrocious English, miss the KGB, eat, drink and dance. Selected and transformed by the producer, they create the impression of pale ugly plants grown without light or warmth, poisonous mushrooms, or deep-water fishes thrown out of their native ocean — the Soviet regime — and burst by their own vanity and stupidity.

Just how carefully Ofra Bikel handpicked her "Russians" for her propaganda message is obvious from this fact: She spent hours upon hours filming the art scholar Teteryatnikov, the sculptor Neizvestny and yours truly — but all this film was thrown out — down to the last inch, for even one such inch could have relieved the gloom and doom of the "documentary."

As a sermon in racist or class

hatred, "The Russians Are Here" can indeed be ranked with "The Protocols of the Elders of Zion" or Pravda's discourses on "class aliens" after Lenin's coup. I have to admit that I cannot imagine a more effective piece of propaganda which the KGB could create to halt and reverse the growth of the emigration's influence, its success and social significance. Today, the emigration has been terminated by the Soviet regime. Now the goal is to neutralize those who have emigrated. What could be more effective than this "documentary"?

At this writing, the PBS program has been shown in more than 400 cities of America. In New

York it has been aired at least twice, and it is said to be scheduled to be shown 10 times in all.

And, those in charge of Soviet propaganda can readily show it in Russia as well. As several emigres noted, "Take away some of the food and the mink coats, and Moscow television will never concoct more effective propaganda to reassure its own population: 'Here is America! And here you are in America. You see how it is? To think that some of you resent our Soviet regime! If you go to America, you'll miss even the KGB, but it'll be too late for regrets.'"

© Center for the Survival
of Western Democracies

Lev Navrozov

LETTERS

PBS-TV airs Big Lie on Russian immigrants

Dear Editor:

On Monday, June 13, my wife and I watched a Channel 13 TV program about 100,000 Russian-Jewish immigrants, a group to which we belong. Since coming to this country, we have never been more insulted.

One after the other, we saw several different kinds of people portrayed: two or three successful small businessmen bewildered by competition; a taxi driver, and a relatively young stock market speculator. He made a few bucks and could afford to theorize: "To me, the communism in the United States is exactly as Karl Marx predicted. To me, communism is the abundance of food and entertainment."

Perhaps the worst scene showed a company of drunkards who lay on the floor with dishes of smoked lox on their bellies. They were drink-

ing vodka by the cup, patting their dogs and pretending they were famous writers. Their conversation, sometimes under apparent intoxication, is carefully commented on by the "honest" voice of the newswoman:

"These people do not know what freedom is; they certainly miss the slavery which was good for them, and they miss their Russian friendships which were manifested through vodka, by vodka and for vodka. They are not accustomed to living the honest life." The final scene of the show was of a Russian restaurant, filled with merry gypsy songs. They were eating, dancing and drinking vodka.

By such a portrayal, we were destroyed.

Where are the people we really came here with? The thousands and thousands of skilled workmen, engineers, doctors, businessmen

and writers, people who care about the future? This is our country, too, and we arrived here not by birth, but by challenging the most terrible terror machine.

Now the United States struggles with the most acute international problem of socio-economic relationships, and the two countries playing that game are the United States and the Soviet Union. And the Russian experience is negative. The class struggle initiated by Marx and Lenin has hit a dead end. On the other hand, adequate education, cooperation of people of good will and congeniality has brought quality control as well as success to the West.

We who were not shown on Channel 13 would like to witness to the fact that the ideas of class struggle should be dumped for good. Will the whole nation of America benefit from such an act?

Not exactly. Certain people have built their careers on the development of class struggle. They were simply brought up on these ideas and find it hard to reject. Naturally, these kinds will try to do away with any witnesses who speak to the contrary.

This is why I don't think the creators of the TV program were payed by the Soviet government, for example. But if I were in the shoes of that government, I would definitely reward them — for instance by giving them a chance to live for a couple of years in the same situation we were in before we came to America. They should live, not on the American dollars they made here, but on the rubles they earn there. And they should live, not by telling lies, but by honest labor — as honest as the face of that actress who moderated the show.

V. Livoff
New York

New York Tribune
June 20, 1983

PBS's "The Russians Are Here": deliberate slander

Dear Editor:

After emigrating from the U.S.S.R. to this country five years ago and settling in New York, I have had more than one occasion to witness the high intellectual quality and profundity of New York's Channel 13 programs. Yet the show "The Russians Are Here" on June 12 and 19 has left me perplexed and indignant.

The program has distorted the life image of an entire group. To begin with, we are not "Russians": Soviet emigrants of the last decade are mainly ethnic Jews, and a more befitting title would be "The Soviets Are Here."

But the flaw of the show is not its title but the odd choice of the interviewees.

As a documentary writer (I have published 14 books about scientists in the U.S.S.R. and six in the West), I have been interviewing people for the past 36 years as the principal way of collecting material for my books and articles. Within the past two years, I have interviewed about 250 recent immigrants from the U.S.S.R. for my new book on Soviet mores. My interlocutors included men and women from 22 to 76 years of age, representatives of 18 professions — from writers and scholars to sailors and hairdressers.

Some were better, some worse off, some had attained peace of mind, some were still shaken emotionally, but of the 250 individuals I spoke with not one had failed completely to find his or her place

in America, not one had become a parasite on the American community as a nostalgia-sodden bum despising the cultural and social achievements of the nation that has sheltered us.

Yet all the "Russians" in the Channel 13 show were precisely of that feather. We, the viewers, scarcely saw one positive story, one satisfied person. Such an effect could be achieved only in one way: The film-makers sought out for their interviews exclusively mentally unstable failures. All other categories of Soviet immigrants were unfit for their purposes.

One was ashamed to hear the "frank talk" of Russian-language writers discoursing on the screen about the futility of press freedom and the vital meaning of vodka for the Russian soul. This is not just a lie, it is deliberate slander.

As a member of PEN and vice-president of its section Writers in Exile, I am personally familiar with all Russian-language authors of any name and attest to the fact that 95 percent of them are happy to have found in America the freedom to write which they never had back home. I have recently returned from a congress of Russian-language writers in Milan, Italy. This meeting, titled "The Continent of Culture," on May 21-22, was attended by 60 of my fellow-writers (including 15 U.S.

residents), who all apoke about the joy of being free in a free world.

There is no nation and no community that would not include a certain number of individuals of the type so thoroughly selected by the creators of "The Russians Are Here." Would it be fair to claim that murderers, arsonists and rapists from police reports provide a comprehensive image of the American character? Yet the conclusion about us suggested to the viewers by the Channel 13 film is no more fair. Even visually, the makers of the film tended to depict our ethnic group as a conglomerate of senile, ugly, immoral and generally repellent characters.

One wonders: Who stands to benefit from depicting the community of thousands of recent immigrants from the U.S.S.R. as a band of monstrous characters and ungrateful American parasites? And also: How did Channel 13 come to support the unseemly project so unmistakably reeking of politics?

If the leaders of Channel 13 have been misled or made an error in judgment, they could now easily correct the unfavorable public image conjured by their show by conducting an open discussion as to who indeed are those 270,000 Soviet refugees that have found haven in several countries, including the United States.

Mark Popovsky
New York

New York Tribune
June 22, 1983

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Гарри Табачник. Вредный фильм	4
Илья Суслов. Русские — таки здесь!	8
Александр Гершкович. Демонстрация в Бостоне	13
Эмиль Анцис. Откуда мы? Кто мы? И куда мы?	14
Людмила Штерн. Русские приехали	19
Александр Глезер. Открытое письмо гл. редактору 13-го канала нью-йоркского телевидения	22
Лев Наврозов. Расистская пропаганда по телевидению? Не беспокойтесь, ведь жертвы — всего лишь эмигранты из России	24
Регина Немчикова. Серия передача на цветном экране ..	35
Владимир Тетерятников. Антиамериканский фильм о русских американцах	38
Alexander Glezer. An open letter to the program Director of Channal 13, WNET NY	50
Lev Navrozov. PBS-TV drops racist bomb on emigres	52
V. Livoff. PBS-TV airs Big Lie on Russian immigrants	60
Mark Popovsky. PBS's "The Russians Are Here": deliberate slander	61

АНТИДИФФАМАЦИОННАЯ ЛИГА

По инициативе Владимира Буковского создана Антидиффамационная лига эмигрантов из подсоветской России. Председатель лиги – Владимир Буковский (писатель, участник правозащитного движения). Казначей – Люба Брукс (член редколлегии альманаха "Третья волна"). В совет директоров-учредителей до 2 июля 1983 года вошли Василий Аксенов, писатель (Вашингтон), Лев Альбурт, международный гроссмейстер (Нью-Йорк), Эмиль Анцис, кинооператор (Нью-Йорк), Игорь Бирман, экономист, журналист (Вашингтон), Михаил Богин, кинорежиссер (Нью-Йорк), Иосиф Бродский, поэт (Нью-Йорк), Генрих Габай, кинорежиссер (Нью-Йорк), Игорь Галанин, художник (Нью-Йорк), Александр Глезер, поэт, журналист, издатель, директор Музея современного русского искусства в изгнании (Джерси Сити), Петро Григоренко, журналист, участник правозащитного движения (Нью-Йорк). Зинаида Григоренко, участница правозащитного движения (Нью-Йорк), Эдуард Кузнецов, писатель, участник правозащитного движения (Мюнхен), Роман Левин, издатель (Массачусетс), Аркадий Львов, писатель (Нью-Йорк), Владимир Максимов, писатель, главный редактор журнала "Континент" (Париж), Израиль Пельцман, президент станкостроительной компании (Миннеаполис), Виктор Перельман, журналист, главный редактор журнала "Время и мы" (Нью-Йорк), Сергей Петрунис, поэт, ответственный редактор газеты "Новый Американец" (Джерси Сити), Оскар Рабин, художник (Париж), Андрей Седых, писатель, журналист, главный редактор газеты "Новое Русское Слово" (Нью-Йорк), Михаил Талесников, президент Ассоциации ветеранов Второй Мировой войны (Кливленд), Владимир Тетерятников, искусствовед (Нью-Йорк), Леонид Шамкович, международный гроссмейстер (Нью-Йорк), Михаил Шемякин, художник (Нью-Йорк), Геннадий Шмаков, писатель (Нью-Йорк). Вступившие в Антидиффамационную лигу после 2 июля 1983 года будут включены в этот список в последующих публикациях. Приглашаются все выдающиеся представители эмиграции вне зависимости от времени их приезда, политических убеждений и рода занятий, а также выдающиеся представители западной общественности.

АНТИДИФФАМАЦИОННАЯ ЛИГА ЭМИГРАНТОВ ИЗ ПОДСОВЕТСКОЙ РОССИИ возбуждает "коллективное судебное дело" против Службы общественного телевидения (PBS) и автора-продюсера фильма "Русские уже здесь".

Предполагаемый размер предъявляемого иска – 200.000.000 долларов. Предполагаемое число участников коллективного иска – 10.000 истцов.

Цель иска – также заставить (PBS) показать фильм-опровержение во всех городах, где был показан фильм "Русские уже здесь" то же число раз.

Необходимо учесть, что независимо от исхода дела в финансовом плане судебный процесс и фильм-опровержение будут иметь огромное значение для социального престижа эмиграции и пресечения дальнейших попыток представить эмигрантов из подсоветской России как низшую расу или врагов Запада.

Нью-Йорк
2 июля 1983